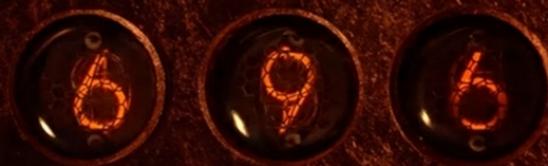

Виктор Бондарюк

Глава II

12+

Виктор Бондарюк

ГЛАВА 2

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бондарюк В. В.

ГЛАВА 2 / В. В. Бондарюк — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5320-8756-9

Сможет ли человек, зная что он единственное живое существо на земле, надеяться на то, что его ещё может ждать что-то хорошее? Каково это, живя в обнесённом гигантской стеной, разрушающемся от времени аналоге Эдемского сада, осознавать что для своего создателя ты просто рядовой элемент системы. Об этом расскажет история нашего современника Адама Фёрста. Обычного человека, попавшего в необычные обстоятельства.

ISBN 978-5-5320-8756-9

© Бондарюк В. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1	5
2	8
3	13
4	16
5	22
6	26
7	33
8	36
9	41
10	46
11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

*Ибо так возлюбил Бог мир,
Что отдал Сына Своего
Едиnorodного...*
Евангелие от Иоанна 3:16

1

21 сентября 2017 года от Рождества Христова, луч утреннего солнца сквозь неплотно задёрнутые белоснежные занавески, слегка волнующие свежей прохладой приоткрытого окна, подёргиваясь, будто живой, резвился на щеке мужчины. Лёжа на спине, чуть приоткрыв рот, негромко похрапывая, он спал рядом с женщиной, утонув в приятной нежности мягкого матраса светлой двуспальной кровати, по обоим краям которой стояли деревянные тумбочки с витыми ножками. На нежных кремовых обоях комнаты, среди рукописных портретов, созданных явно не самым профессиональным художником, висели свадебные фотографии, буквально кричавшие об их недавно прошедшем торжестве.

Словно устав сидеть на одном месте, луч, чуть дёрнувшись от качнувшейся за окном ветки, перебрался на глаза мужчины, от чего его зрачки быстро забегали под закрытыми веками. Он засопел и проснулся. С трудом приоткрыв ещё сонные веки, щурясь и отодвигаясь от разбудившего его пятна света, мужчина повернул голову и улыбнулся от вида мило выпяченных губ спящей к нему лицом женщины. Она имела никогда не виданное им ранее, странное обыкновение спать на животе, согнув ноги в коленях, отчего задранные вверх ступни поднимали одеяло милой горкой. Осторожно придвинувшись ближе, он поцеловал ещё сонными губами её теплую, чуть примятую подушкой щёку. Женщина, не просыпаясь, дёрнулась и, обвалив холмик одеяла, недовольно хмыкнула повернувшись на бок к нему спиной. Улыбнувшись ещё раз и стараясь не шуметь, мужчина очень аккуратно выбрался из нежной белизны постельного белья и как был, в чёрного цвета шёлковых штанах пижамы, встал с кровати. Стараясь осторожно ступать на цыпочках по покрытому бежевым ковровому полу, крадучись, он двинулся вон из комнаты. Но, сделав буквально несколько шагов, услышал за спиной сонный голос женщины: “Вечно топаешь как слон”. Мужчина замер, будто напоролся на невидимую стену, и повернулся на её голос. Снова разулыбавшись, он спросил: “Ты же только что спала?” Сладко потягиваясь, она проворковала, зевая: “Конечно, нет. Ты же скачешь словно горилла в брачный период”. Расставив руки и счастливо улыбаясь, мужчина, плохо изображая обезьяну в два прыжка вернулся к кровати, и притворно зарычал: “Потому что я горилла и у меня брачный период”. Нырнув под одеяло, он придвинулся всем телом к сонно улыбающейся женщине и, обнимая её, зашептал в самое ухо: “А как жена гориллы относится к тому, чтобы побаловать своего самца?” “В принципе... – не закончив фразу, широко зевнула она и, мило приоткрыв один глаз, продолжила: – только сначала мне нужно... – и, чуть зевнув, посмотрела в сторону туалета, – ненадолго”. Мужчина, тяжело вздохнув, демонстративно раскинул руки и выпустил её из объятий. Женщина выбралась из кровати и потянулась, сексуально изогнувшись. Затем, бросив через плечо игривый взгляд на мужчину и заметив в его глазах огонёк желаний, хитро улыбнувшись, как была, совершенно обнажённая, демонстративно виляя упругими ягодицами, на цыпочках убежала в уборную. Едва она прикрыла за собой дверь, мужчина зевнул и в ожидании её возвращения повернулся на бок. Расслабив тут же слегка отвисший живот, он довольно улыбнулся, от того что поймал взглядом бейдж, приколотый к не самой свежей, но ещё достаточно чистой белой рубашке, наброшенной поверх слегка мятых брюк, висящих на стоящем недалеко стуле. Из-под прозрачного пластика удостоверения на мужчину смотрела его фотография, под которой было написано: “Адам Фёрст, Engineering Technology Future, старший техник отдела криогенной консервации материалов”. Мужчина ещё шире рас-

плылся в улыбке и зашептал, перечитывая написанное: “Старший техник, – сделав ударение на слове “старший”, он снова посмотрел на закрытую дверь туалета и мысленно продолжил: – будет очень стараться, чтобы у него появился младший”. Затем, повернув голову, довольно посмотрел на висящую за ним на стене фотографию, на которой они вместе с женщиной, с большими порциями свадебного торта в руках, озорно показывали языки фотографу. На его куске стоял флажок с именем Адам, а на её – Рита. Вспоминая вкус запечатлённого на снимке угощения, почмокав губами, мужчина довольно хмыкнул. Всего полгода назад он и не думал жениться. Но эта блондинка, оставившая в автобусе сумочку с документами. Господи, как же она рыдала на остановке, и как он, пожалев её, показал себя настоящим мужиком. Практически силой усадив Риту на пассажирское сиденье своего “Приуса”, лихо догнал и подрезал идиота-водителя восьмого маршрута, который никак не хотел останавливаться. И теперь он, Адам Фёрст, перспективный сотрудник крупной уважаемой компании, лежит в купленном на прошлой неделе доме и ждёт, когда его молодая красавица жена вернётся из ванной, чтобы заняться с ним умопомрачительным сексом.

Хорошего настроения добавляла и мысль о том, что вчера ночью, несмотря на то что ему очень хотелось прижаться к Ритиным бёдрам, он, снова заставив себя “прижаться” к своим вычислениям, наконец-то сделал то, что, казалось, уже никогда не произойдёт. Конечно, ещё нужно всё проверить, но внутренне он был совершенно уверен в том, что у него получилось решить задачу, не дававшую ему покоя долгие годы. И хотя она не имела прямого отношения к его работе, тем не менее была напрямую связана с одним из важнейших направлений интересующих компанию, в которую он когда-то пришёл зелёным выпускником далеко не самого именитого университета.

Законченные вычисления сулили очень неплохой карьерный, ну и конечно финансовый, рост в ближайшем будущем, который, судя по надписи на бейдже “старший техник”, уже и так начался. И это даже несмотря на то, что его импульсивность и случившиеся в критических ситуациях эмоциональные взрывы уже пару раз откладывали давно заслуженное повышение.

Вот только жаль, что купленные целой пачкой тесты на беременность никак не хотели показывать заветные полоски. Но ведь он очень упорный и не собирался отступать. И сейчас, когда Рита вернётся, Адам покажет ей “небо в алмазах”, и вот тогда...

Но уже из-за закрытой двери туалета послышался звук спускаемой из бочка воды. Он торопливо стянул пижамные штаны и, несколько замешкавшись, сунул их под подушку. Откинув одеяло, Адам, приподнявшись на локте и максимально напрягая пресс, принял позу древнеримской статуи.

И в эту секунду... пронзительно запищал будильник, стоящий на тумбе с его стороны кровати. Расстроено расслабив тут же вновь отвисший живот, он потянулся к кнопке отключения и услышал за спиной: “Господи, какой же он громкий – прямо как ты по утрам”. Выключив убийцу своего романтического настроения, несколько обиженно Адам произнёс: “Может мы с ним и похожи, но он уж точно не такой талантливый как...”. “Как эти твои картины? – перебив саркастично хихикнув, наиграно удивилась Рита, имея в виду нарисованные им не совсем пропорциональные лица портретов, которые Адам считал своими не самыми плохими работами, – мне кажется, им место в гараже или...” “Хватит, – шутливо сердясь, перебил её Адам, – обещал, что сниму эти грехи молодости, значит, сниму. Но говорил я не о них”. “А о чём?” – спросила Рита, явно наслаждаясь тем, как он разглядывал её обнажённое тело. “О том, – произнёс Адам, чуть смутившись от того, что она поняла, куда были направлены его глаза, – что тебе очень повезло с мужем, моя милая принцесса, – откидываясь на спину, закончил фразу он, – мне кажется, что сегодня ночью я сделал очень важное открытие, благодаря которому многое может измениться в нашей жизни” “Ты придумал, где взять деньги на погашение ипотеки?” – наивно спросила Рита, садясь на край кровати и широко раскрыв удивлённые глаза. “Лучше, – ответил Адам и продолжил торжественным голосом: – мне кажется, я нако-

нец-то вывел генетический алгоритм искусственного интеллекта». Он выжидательно посмотрел на Риту, у которой на лице не дёрнулся не один мускул. “Не понимаешь?” – через время осторожно спросил он. “Ни капелюшки”, – призналась она, искренне глядя ему в глаза. “Ну и ладно, это не важно, – пожал плечами Адам, – главное, что я его вывел и не забыл записать. Просто это значит, что благодаря твоему мужу очень скоро может начаться новая эпоха в истории человечества”. “Здорово”, – согласно кивнула Рита, в глазах которой читалось полное, но очень милое непонимание. “И чтобы она скорее наступила, прости, милая, но мне нужно собираться на работу. К тому же Самюэль скоро подъедет, – Адам сделал попытку встать с кровати, – сегодня его очередь вести нас в офис”. Рита, прекрасная в своей наготе, не дав подняться, запрыгнула на него сверху: “А котик не забыл, что сперва он должен завезти в клинику свой биоматериал на спермограмму?” Адам, встрепенувшись, напрягся: “А какое сегодня число?” Женщина поцеловала его в нос: “Двадцать первое сентября, дурачок, ровно шесть месяцев, семь дней, – она стрельнула глазами на будильник, считая в голове, – семь часов и где-то восемь минут, как мы женаты”. Виновато посмотрев на неё, Адам залепетал: “Вчера допоздна засиделся и совсем забыл об анализах. Увы, придётся пропустить очередь и записываться снова”. Рита, хитро глядя ему в глаза, наклонилась и, поёрзав аппетитными бёдрами, эротично сползая с него, подала тело влево. Затем, не отводя взгляда, потянувшись рукой к его самому чувствительному месту, сладострастно облизнув губы, сексуально произнесла: “Ничего мы не пропустим. Просто нужно немножко поторопиться, – выдохнула она – ведь мы умеем делать всё очень, очень быстро, не правда ли?” Заводясь, он смущённо облизнул внезапно пересохшие губы и произнёс: “Ну я же...” “А то Самюэль заедет, а материал не готов”, – мило лепеча, перебила она, лаская его своими нежными пальцами. Почувствовав прилив мужской силы, Адам, учащённо задышав, снова облизнул губы: “Я постараюсь”. Рита, не разжимая руки и игриво укусив его за мочку уха, тихо прошептала, ускоряя темп: “Мы всё с тобой успеем, только обещай, что снимешь эти ужасные картины”. “Ддааа...” – только и смог выдавить из себя Адам, проваливаясь в сладостные ощущения.

2

По улице, засаженной вязами, в зелёный шапке листвы которых уже виднелись жёлто-красные отметины начавшей увядать листвы, не спеша катился “Корвет 427” 68 года с открытым верхом. Сверкая на осеннем солнце хромом и красной краской, автомобиль отражался в окнах стоящих в ряд одинаково милых домиков, отделённых от дороги аккуратно постриженными газонами. За рулём сидел средних лет человек, с зачёсанными назад, чёрными как смоль волосами, правильные черты лица которого несколько портила неестественно светлая кожа. Ворот белой рубашки был расстегнут, а на кармане отливал пластиковым блеском бейдж Engineering Technology Future с его же фотографией и подписью Самюэль Атан, техник отдела криогенной консервации материалов. Негромко звучащий из аудиосистемы автомобиля Фил Филлипс, поющий песню “Ангел, мой ангел”, добавлял лирического настроения ещё теплому сентябрьскому утру. Проехав метров триста, автомобиль остановился у дома, трава газона которого единственная из всей улицы имела неопрятный вид. Самюэль коротко надавил на клаксон, и звук сигнала, эхом пролетев по пустой улице, утонул в листве, лениво шелестящей на ещё по летнему тёплом ветерке. Прошло несколько секунд, а в окружающем его пейзаже ничего не изменилось. В момент, когда он собрался было посигналить снова, дверь дома с нестриженной лужайкой открылась. На порог вышел Адам с прижатой плечом к уху трубкой домашнего телефона. Он одновременно пытался застегнуть портфель и приветственно махнуть рукой. Видя, что его заметили, Самюэль, улыбнувшись, кивнул головой, и нежась под сентябрьским солнцем, откинулся на чёрном кожаном сиденье. Несмотря на то что Фил Филлипс своим милым мотивом вплетался в идиллические звуки утра, разукрашенного беззаботным пением птиц, Самюэль услышал, как Адам негромко и несколько нервно произнес: “Думаю, вряд ли, но я вас понял, один час. Хорошо, спасибо”. Закончив разговор, он растворился в темноте проёма, затем чтобы уже через пару секунд появиться снова, и аккуратно прикрыв дверь, торопясь подойти к машине. Бросив портфель на заднее сиденье, он сел рядом с водителем, и сделав музыку тише, уловил от него приятный сладковатый аромат парфюма. “Мне опять из-за тебя влетит – сказал Адам – ты же знал что сегодня совещание. А у босса аллергия на твою туалетную воду”. “Чёрт – едва слышно выругался Самюэль, и протянул руку для рукопожатия – Привет, босс”. “Да, прости, доброе утро”. – несколько напряжённо сказал Адам, пожав в ответ его кисть. “Забыл про этого говнюка, извини – согласился Самюэль, и показав в широкой улыбке ровные белые зубы продолжил – Но тебе же известно, свежестиранная одежда, и этот запах, мои единственные недостатки”. “Кроме того, что ты сегодня ещё и опоздал на девять минут”, – оставаясь серьёзным отрезал Адам. Включив передачу, Самюэль согласно кивнул, и подмигнув другу весело произнёс: “Ну не сердись. Благодаря мне ты провёл с любимой женщиной несколько лишних минут своей жизни, которых у вас могло и не быть. Ведь время – это наш капитал, который мы безвозвратно теряем как бы не старались. Так что скажи мне спасибо, мой друг. Надеюсь, ты потратил его с пользой и удовольствием, а?” “Может, ты и прав, – саркастично пожал плечами Адам, – ведь если рассматривать топтание у окна как удовольствие, то да”. Самюэль весело хмыкнул, и плавно тронул машину с места. В эту же секунду входная дверь распахнулась снова. Рита, придерживая развивающиеся полы симпатичного, едва прикрывающего её аппетитное тело маленького халата, выбежала, держа в руке баночку, закрытую красной крышечкой. Словно Золушка потеряв в нестриженной траве газона один тапочек, она торопилась к отъезжающему автомобилю: “Адам, Адам!” “Корвет” остановился, и Рита, подбежав, дружелюбно поздоровалась: “Привет, Самюэль”. Тот, оглядев её точёную фигурку, соблазнительно обтянутую шёлковой тканью халата, весело ответил: “Привет, Рита, всё хорошеешь моя дорогая?” Довольно улыбнувшись, женщина протянула баночку мужу: “Котик, ты забыл”. Адам, несколько смущаясь, покосился на друга: “Милая, мы собрали материал сорок

минут назад, и через двадцать он уже будет не годен, а так как наш милый водитель приехал позже, нам никак не успеть доставить его в лабораторию за оставшиеся время. Так что я не взял бокс сознательно”. Рита расстроено вздохнула, покосившись на Самюэля, который пытался заглянуть под красную крышку, скрывающую содержимое баночки, зажатой женщиной в руке: “Вы что, правда сорок минут назад делали это, когда вы всё успеваете?” Женщина, чуть смутившись, отвернулась, довольно закусив нижнюю губу. Адам, строго посмотрев на друга, ответил: “Вот это тебя не касается. Поехали, ещё и в офис опоздаем”. Самюэль, улыбнувшись Рите, посмотрел на друга: “Ну нет, так дело не пойдёт. Вы, ребят, старались, добывали это сокровище из Адама. Мы просто обязаны задействовать всю мощь моего железного коня и успеть туда, где ждут плоды вашей любви”. “Я прошу, не надо, – смущаясь, произнёс Адам, – сдадим в другой раз”. “Ну уж нет, никакого другого раза, – решительно отрезал Самюэль и, обращаясь к Рите, добавил: – обещаю, дорогая, я сделаю всё, чтобы твои труды не пропали даром”. Женщина смущённо улыбнулась, и игриво глянув в ответ, довольно наклонившись, поцеловала мужа, почти насильно сунув бокс ему в руки. Самюэль, подавшись к ним всем телом, весело произнёс: “Эй друзья, если вы продолжите в том же духе, я не смогу устоять и присоединюсь к вам”. Адам шутливо оттолкнул его: “В другой раз, болтун, поехали”. “Ловлю на слове”, – сказал Самюэль и, игриво подмигнув улыбающейся Рите, нажал кнопку CD, и крутанул ручку громкости аудиосистемы, “взорвавшейся” в ответ гитарным рифом AC/DC песни “Highway to Hell”. Затем, выжав сцепление включил передачу, и резко нажав на педаль газа, заставил мощный двигатель прокрутить колёса по асфальту. Выпустив из-под себя струйки горячей резины, “Корвет” взревел мощным мотором, и быстро увеличивая скорость, рванул вперёд, откинув инерцией ускорения головы пассажиров на подголовники.

С трудом обернувшись назад, Адам послал воздушный поцелуй быстро уменьшающейся фигурке Риты и отвалился спиной на пассажирское кресло. Не выпуская бокса, он потянулся за ремнём безопасности в попытке пристегнуться. Но непослушный хромированный язык никак не хотел входить в узкую щель замка. Так как руки Адама были заняты, он не мог сделать тише грохочущую из динамиков автомобиля музыку. Поэтому, с сожалением глянув на ручку громкости, Адам, повернувшись к Самюэлю, почти прокричал, пытаясь перекрыть надрывающийся драйв рока: “Знаешь, что сейчас лежит в портфеле на заднем сиденье твоего автомобиля” Едва коснувшись чудом сохраняющуюся на большой скорости почти безукоризненную причёску, Самюэль пожал плечами, и весело посмотрел на взъерошенного ветром друга. “Будущее, – продолжил кричать Адам, – помнишь я как-то тебе говорил что работаю над расчётами по нейронными сетями? Ну так вот, вчера ночью, мне кажется удалось вывести генетический алгоритм искусственного интеллекта”. “Серьёзно? – удивился Самюэль. – Если это так, то ты просто крут, мужик! Будем молиться, чтобы начальство не отнеслось к твоим трудам так-же, как к моим работам по клонированию!” “Будем”, – кивнул Адам, убрав наконец-то баночку в кармана. Пригладив тут же вновь сбившиеся ветром волосы, он продолжил свою борьбу с ремнём безопасности. Улыбнувшись, Самюэль кинул взгляд на друга, безуспешно пытающегося совладать с непослушным язычком, блестящим на солнце яркими бликами: “Всё-таки ты кажешься мне странным, брат”. “Да? – всё также перекрикивая музыку, удивился Адам. – Чем же?” “Да многими вещами”, – Самюэль, переключив передачу, надавил на газ, ловко управляя мощным “Корветом”, который, повинаясь чуткому рулю, выскочил на утренний хайвей. “Например?” – удивился Адам, наконец-то пристегнувшись и внимательно посмотрев на друга. “А ты не обидишься?” – улыбнулся Самюэль. “Напротив, это даже интересно”, – ответил Адам, перекивая надрывающихся классиков металла. “Ну хорошо, – весело хмыкнув, чуть замешкавшись, продолжил Самюэль. – Надеюсь, ты не урежешь мне после этого жалованье”. “Всё в ваших руках, господин Атан”, – в тон другу произнёс Адам. “Ну вот тогда ответь мне друг мой, – хитро глянув на попутчика, решившись, заговорил Самюэль, – я не пойму, у тебя молодая красавица жена, а ты просиживаешь ночи, вычисляя формулы. И это вместо того, чтобы,

хотя бы на время забросив всё, круглосуточно заниматься с ней сексом. Скажи ты мне, зачем нам эти дурацкие белые рубашки, на которых настаиваешь только ты и которые кроме нашего отдела не носит ни один человек в компании, включая руководство? Ладно я идолопоклонник молящийся на стиральную машину, но для тебя, прости это же целая история. – Самюэль смутившись замолчал, но заметив как Адам саркастически хмыкнул, кашлянув, продолжил – Я никак не возьму в толк, почему у тебя вечно не стрижен газон перед домом. И вот ещё что, – чуть смутившись, продолжил он: – Прости, но ты зарабатываешь прилично больше меня, а едешь на дурацком старом “Приусе”, да ещё и всегда пристёгиваешься, даже сейчас в такой тачке, как “Корвет 427” 68 года, – любовно постучал ладонью по торпеде Самюэль. – Это же не круто, брат...” “Всё?” – Адам посмотрел на стрелку спидометра, давно перевалившую за разрешённую отметку скорости. Заметив это, Самюэль хитро улыбнулся, и ускорив машину ещё, довольно выдохнул: “Всё”. Адам, дотянувшись наконец до ручки громкости, выключил музыку, и облегчённо выдохнул: “Итак... Если честно, то мне по большому счёту плевать во что я одет. Так-как свою индивидуальность я стараюсь проявлять, так сказать, интеллектуально. А белые рубашки? Ты никогда не думал о том, что они не просто часть нашей одежды, а символ?” – спросил Адам. “Занудства?” – улыбнулся Самюэль. “Белый – это чистота, спасение, духовная власть. Практически каждая невеста выбирает его для своего наряда, не так ли?” – спросил Адам. “А это здесь при чём?” – удивился Самюэль. “Свадьба для женщины, наряду с рождением ребёнка, важнейший шаг в жизни. И совершая его, чуткая к символизму, она неосознанно отдаёт предпочтение этому цвету, как знаку победы и триумфа в бесконечном поиске любви и страдания”. “И что?” – не понял Самюэль. “А власть предрешающие... Другой полюс бытия. Люди, живущие не чувствами, а тонким расчётом, – Адам посмотрел на часы, – и какая у них, если так можно сказать, форма одежды?” “Тут ты прав”, – согласно кивнул Самюэль, и заметив, куда поглядывает его пассажир, ускорил машину ещё. “Неосознанные эмоции и холодный расчёт не могут ошибаться одновременно. Я уже не говорю о религии, – продолжил Адам, снова повышая голос, чтобы перекрыть слившиеся воедино звуки мотора и ветра, – во всём этом есть глубокий сакральный смысл. Поработай головой, друг мой”. “В твоей теории мирового заговора белых рубашек что-то есть, – согласился Самюэль, и хитро посмотрев на друга, снова спросил: – Ну а сколько ночей в неделю Рита проводит в постели одна, умник?” “Понимаешь? Я хочу сделать в жизни что-то важное, – неожиданно меняя тон, серьёзно ответил Адам. – Нечто большее, чем выплатить ипотеку и даже завести ребёнка. Каждый, наверное, хотел бы стать избранным. Но я трезво оцениваю себя и не думаю, что имею хоть небольшой шанс, – грустно улыбнулся Адам, – но попробовать стоит. А это, – кивнул он на портфель, лежащий на заднем сиденье, – и есть моя маленькая надежда на бессмертие”. Самюэль саркастически заулыбался, покачав головой. “Я каждый раз думаю об этом, – не обращая внимания на реакцию друга, продолжил Адам, – когда заставляю себя вместо Риты идти к своим чертовым расчётам, которые, надеюсь, чего-то да стоят”. “Время покажет, у кого ключи от бесконечности”, – пожал плечами Самюэль. Адам согласно кивнул и продолжил: “Ну и чтобы закончить допрос, коротко об остальном. Я езжу на “Приусе”, потому что, во-первых, мне не важно, что доставит мою задницу из пункта А в пункт Б. А во-вторых, это экономно, ведь я, в отличие от тебя, женат и выплачиваю треклятую ипотеку за купленный к свадьбе дом. И последнее. Я, мой друг, пристёгиваюсь, потому что таковы правила, придуманные для нашей безопасности”. “Иными словами, ты всегда делаешь то, что велят старшие?” – саркастично спросил Самюэль. “Когда в этом есть понятный для меня смысл, всегда”, – кивнув головой, ответил Адам.

“Нет, ты всё-таки зануда, – хмыкнул Самюэль, – убей меня окончательно и скажи ещё, что ты перед сном читаешь Библию...” “Ну, нет, – улыбнулся Адам. – Но благодаря ей я получил свои первые любовные переживания”. Самюэль заинтересованно хмыкнул: “Да ну?” “В детстве родители водили меня в воскресную школу, – улыбнулся в ответ Адам, – и там, читая главу за главой, нас заставляли пересказывать услышанное, которое, как ты понимаешь, никак не

хотело запоминаться. Нам, мальчишкам, хотелось гонять в футбол, а вместо этого мы сидели за партами в туго затянутых маленьких галстуках и жарких пиджаках. Так вот как-то раз я на поцелуй поспорил с одной девочкой, что за перемену выучу первую главу Библии наизусть”. “И?” – улыбнулся Самюэль. “Вначале сотворил Бог небо и землю, – начал цитировать Адам. – Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водой”. “Всё с тобой понятно, ловелас”, – широко улыбнулся Самюэль. “Поверь, до сих пор помню каждую букву первой главы”, – продолжил Адам. “А вторую?» – Самюэль, склонив голову, хитро смотрел на друга. “Ни бум-бум”, – улыбнулся Адам. “Ну хотя бы о чём там говорится?” – не унимался Самюэль. “Нет, – всё так же улыбаясь, отрицательно покачав головой, Адам и продолжил: – Ведь дело не в том, о чём говорит та или иная глава. Тут сила в другом”. Самюэль вновь вопросительно покосился на друга, краем глаза поглядывая на пустой утренний хайвей. “Эта книга – манифест веры, – перестав улыбаться, задумчиво ответил Адам, – веры в то, что и родившийся в хлеву может оказаться сыном Божьим. А значит, наверное, любой техник криогенной консервации материалов рано или поздно тоже имеет шанс выбиться в люди”. “Конечно, – несмотря на серьёзность друга, весело улыбнулся Самюэль, – если сперва найдёт себе учеников, а затем при необходимости начнёт превращать воду в вино”. “Ну первый последователь у меня уже есть, не правда ли? – Адам шутливо посмотрел на друга, который в тон ему, с напускной серьёзностью кивнул в ответ. – Главное, чтобы он не оказался Иудой?” “Ой, перестань, – махнул рукой Самюэль, – все проклинают бедного парня, а на самом-то деле он сделал только то, что ему было предназначено. Он тоже Божий избранник, выполнивший свою миссию. Знаешь, быть ненавидимым всеми трудно, но не позорно... И к тому же, назови-ка мне, например, третьего апостола?” Адам непонимающе повернулся к Самюэлю. “Не помнишь? И я. И почти никто... Для всех эти двое всегда рядом, Иисус и Иуда. Добро и зло, одно целое. И подчас понять, кто есть кто, ой как сложно, потому что каждый видит мир со своего креста”. Адам, проницательно посмотрев на Самюэля, покачал головой и отвернулся, задумчиво глядя на пролетающий мимо пейзаж. Совершенно не обращая внимания на ветер, треплющий его непослушные волосы, он услышал, как Самюэль спросил: «А газон?» “Что газон?” – снова повернувшись к собеседнику, переспросил Адам. “Почему ты не стрижешь газон?” – повторил вопрос Самюэль. Задумчиво помолчав, Адам ответил: “Потому что не люблю этого делать, да и вообще ненавижу копать в земле”. Самюэль понимающе пожал плечами: “Теперь ясно”. “И вот ещё что, – помолчав несколько секунд, без тени улыбки добавил Адам, – с этого дня ты будешь получать на четверть меньше”. Серьёзно посмотрев друг на друга пару секунд, друзья одновременно громко захохотали, испугав обгоняемую ими почтенную вида даму, управляющую старым “Кадиллаком”.

Между тем, свернув с хайвея, “Корвет” чуть медленнее, чем прежде, но всё ещё прилично превышая разрешённую скорость, мчался по утренней пустынной улице города, лихо обогнав трогаящийся от обочины мусорный грузовик. “Вон туда”, – Адам указал пальцем на здание тёмного кирпича, находящееся на противоположной стороне, за два перекрёстка от них. Светофор загорелся красным светом, преграждая им путь. “Дьявол, – разозлился Самюэль, оставиваясь. – Что со временем?” «У нас ещё есть минут пять», – стараясь не выдать волнения, ответил Адам. Светофор переключился на жёлтый, и машина тут же рванула с места. На полпути к следующему перекрёстку зелёный свет, коротко мигнув, снова переключился на красный. “Чтоб тебя, – разозлился Самюэль, – он горел буквально десять секунд, ты видел? Зачем он вообще нужен на пустой улице?” “Ну ничего, – вздохнул Адам, – ты старался, но в этот раз не вышло”. “Так не пойдёт, – упрямо проговорил Самюэль, – я всегда довожу начатое до конца. Слушай, давай вот что сделаем. Ты выходи прямо на перекрёстке и беги в клинику. А я дождусь зелёного, развернусь и подъеду к выходу”. “А как же правила? Ведь так нельзя. Это же... Да и вдруг что-нибудь случится?” – Адам неуверенно посмотрел на Самюэля. “Если очень нужно, правила можно и нарушить, – уверенно глядя в глаза друга, упрямо ответил Самюэль, – ведь

они не помогут тебе завести ребёнка. Если ты не пойдёшь прямо сейчас, в любом случае опоздаешь, так как нужно будет ещё вон сколько проехать вперёд, да крутануть через этот чёртов газон, который какой-то умник выстроил посередине дороги. Да и что может случиться в такое тихое утро? Машин нет, делай, что говорю”. “Ну хорошо, – неуверенно согласился Адам, – возможно, ты и прав”. “Корвет” резко затормозил у стоп-линии светофора, горящего красным цветом, и Самюэль уверенно кивнул Адаму: “Всё, пошёл”. Тот, отстегнув ремень, быстро выбрался из машины и, стоя лицом к Самюэлю, благодарно кивнул, двумя руками аккуратно прикрыв свою дверь: “Спасибо, ты настоящий друг”. Светофор, висящий над ними на перекрестии проводов, переключился на жёлтый. “Поторопись”, – подбодрил Самюэль. И Адам, подняв большой палец вверх, сделал быстрый шаг в сторону, глядя на пустую встречную полосу дороги. В эту же секунду, разорвав тишину нестерпимо громким рёвом клаксона, огромный чёрный мусоровоз, в одно мгновение подмяв железным телом под себя Адама, с глухим стуком утащил его куда-то вперёд, сопроводив своё внезапное появление жутким визгом тормозов, кроваво красными стоп-сигналами и запахом жжёной резины. Самюэль, открыв от неожиданности рот, потрясённый этой мгновенной трагедией, так и не убрав ногу с педали сцепления, с ужасом смотрел на пустое пространство улицы за пассажирской дверью, где только что стоял улыбающийся Адам.

3

Глаза открылись, и белая бесконечная глубина поглотила собой всё. Мозг, заставляя зрачки хаотично метаться, старался сфокусировать взгляд, выискивая точку в пространстве за которую можно было бы зацепиться. Но белизна была настолько однородна и глубока, что ничего не выходило. Веки устало опустились, снова закрывая расширенные от ужаса зрачки. Осознав, что рассмотреть ничего не удалось, мозг начал прислушиваться к телу: “Никаких болевых ощущений. Мне тепло и спокойно. Это хорошо, – шепнуло сознание. – Но что-то не так, не могу понять что. СТОП... Похоже, я не дышу... Этого не может быть, но я не дышу”. Мысли насакивали одна на другую, не давая сосредоточиться. “Я не дышу, не дышу. Я... я... Кто я?”

Несколько секунд мозг, словно зависшая система компьютера не отзывался. И вдруг лавина образов и воспоминаний резко, словно единовременно выплеснутое в миску большое количество воды, заполнила собой всё пространство сознания, заставив тело дёрнуться в рефлекторной судороге. Огромная подминающая под себя громадина грузовика, изрыгающая пронзительно-громкий сигнал, который, кажется, снова оглушающе ревел, как наступающий добычу кровожадный хищник. “Я Адам. Адам Фёрст, и меня... сбил грузовик”, – беззвучно зашевелились губы. Страшная мысль, пугающая своей непоправимостью, взорвала мозг: “Я умер”.

От волнения глаза открылись уставившись в белое ничего, а тело начало мелко трясти. И тут, он осознал, что подушечки пальцев непроизвольно касаются чего-то физически ощущаемого, находящегося прямо под ним. Пришла спасительная мысль, за которую мозг тут же ухватился, как за соломинку: “Раз я мыслю – значит, существую. Ощущаю движение, значит... Я ЖИВ. Возможно, нахожусь в коме, но жив, жив. И ЭТО ГЛАВНОЕ!.. Первая хорошая новость. И к тому же раз у меня ничего не болит, – подумал он, – возможно удар был не такой сильный и повреждения минимальны. Отлично! А если это кома? Тогда надо из неё выбираться. Но как? Нужно хотеть жить, и я хочу, очень хочу... Мой стакан всегда наполовину полон”.

Адаму было тяжело смотреть в пустоту, в которой не было и одной точки, позволяющей зацепиться взгляду, и он снова закрыл глаза. “Продолжу рассуждать логически, – подумал он. – Скорее всего это госпиталь. Ну конечно, я в больничной палате... Тогда почему не слышно никаких звуков и совершенно никого нет рядом? – и тут же без паузы: – Просто здесь очень тихо, и никто не обязан постоянно находиться рядом с пациентом. Но если всё так, почему я не могу ничего увидеть?.. Да потому что видеть пока нечего, возможно, у меня на глазах специальная повязка, или я сплю, или... СТОП, – его пронзила новая мысль. – Я же могу попробовать посмотреть на свои руки! – Радость найденного решения наполнила сознание: – Если не сплю, то увижу их. А если сплю, то?.. Я же читал Кастанеду. Первый этап управления сновидением. НУЖНО УВИДЕТЬ СВОИ РУКИ, и тогда я смогу управляя сном, приказать себе выйти из комы. Ну конечно, мне нужно посмотреть на свои грёбанные руки. В любом случае это правильный путь”. Собранный с духом, он послал мозговой импульс, и локти, повинувшись приказу, пришли в движение: “Я могу ими управлять, уже кое-что”, – обрадовался Адам. Мысленно приказав себе, он поднёс пальцы к закрытым глазам, и переборков внезапно нахлынувший страх, снова попробовал поднять веки. Мутные расплывающиеся контуры сперва испугали его, но пришедшая тут же спасительная мысль наполнила сердце робкой надеждой. “Пусть не чётко, но я вижу. Я ИХ ВИЖУ!” – довольно подумал Адам. Стараясь сфокусировать взгляд, он решил отодвинуть кисти дальше от лица. Но, приподняв их буквально на пару десятков сантиметров и почувствовав при этом лёгкое сопротивление среды, он внезапно упёрся во что-то упругое. Потрогав аккуратными дрожащими пальцами эту неожиданную преграду, Адам вдруг понял, что то, что до этого казалось белой бесконечной глубиной, на самом деле явля-

ется стенками окружающего его со всех сторон кокона, расположенными настолько близко, что он без труда мог до них дотянуться. Аккуратно погладив пальцами приятную на ощупь прорезиненную ткань, он вдруг краем глаза заметил выходящую из неё, чуть закручивающуюся и теряющуюся где-то под ним кожистую трубку.

Чуть помедлив, Адам решил и аккуратно дотронулся до неё. Она оказалась тёплой и равномерно пульсирующей. Лёгкий страх заставил его на секунду остановиться, но, собравшись с духом, он приказал себе продолжать. И перебирая пальцами, начал аккуратно продвигаться по её извилистому телу сверху вниз. “Что это?” – внутренне холодея, спрашивал он себя. Не находя ответа, собрав силы, Адам приподнял голову, оказавшуюся достаточно лёгкой. И к своему ужасу, пусть не чётко, но увидел, что трубка вторым своим концом торчала прямо из него, ровно в том месте, где должен располагаться пупок. Подсочившее давление бросило его в жар, заставив тело дёрнуться. “Что это? Это похоже... похоже на... пуповину, – подумал он. – Какая дрянь, её нужно вытащить. Это не должно торчать из меня”. Осторожно обхватив теплую плоть трубки-пуповины непослушными пальцами, Адам попробовал потянуть её вверх. Резкая боль пронизала живот, рождая ощущение того, что кто-то провернул обоюдоострый нож, воткнутый в тело. От неожиданности он закричал, широко открыв рот, но голосовые связки не выдали ни звука, а его лицо сморщилось, скривившись открытым ртом, заходящимся в беззвучном крике. Перестав тянуть и пытаясь хоть как-то уменьшить адскую боль, он убрал руки. Но затем снова осторожно взялся за основание трубки, обхватив её ладонями. В какую-то секунду в горле что-то булькнуло, и оттуда выпрыгнул фонтанчик белой, с небольшими сгустками массы, которая, к его удивлению, грибовидным облачком повисла прямо перед лицом. Совершенно теряясь в происходящем и боясь отпустить пуповину, Адам попытался прочистить горло от остатков рвоты и со спазмом изрыгнул из себя новые облачка белой, с элементами слюны массы, добавляя их к уже висящей перед его глазами субстанции. От отвращения и ужаса его затрясло, и он, не в силах более выносить градус напряжения, незаметно для себя отключился.

В какой-то момент чёрная глубина небытия, в которой находился его разум, перестала быть пустым ничем. Повторяющийся звук, постепенно возвращающий сознание обратно, потревожив его, заставил сперва слабо, но затем всё активнее концентрироваться. И уже через мгновение Адам осознал, что кто-то монотонно повторяет его имя. Сознание реверсом включило мозг. “Адам, – словно заведённый, произносил глухой, лишённый высоких частот голос через равные промежутки времени. И снова с той же интонацией: Адам”. “Будто пластинка заела”, – с какой-то глупой радостью подумал он. С одинаковыми интервалами, не меняя тона, голос всё звал и звал его: “Адам... Адам”. Устав от этой монотонности, он выдавил из себя, широко открывая не выдающий не звука рот: “Я”. “ПОРА...” – тут же требовательно произнёс голос. И в эту секунду Адам заметил неспешно пролетающую мимо него маленькую, с блестящими краями сферу. Она показалась ему очень знакомой, он где-то уже видел её. И вдруг мозг, совершенно не напрягаясь, родил простую ассоциацию. Воздух, это просто пузырёк воздуха, который?.. Что который?

И как-то сразу всё встало на свои места. До него вдруг дошла элементарная в своей банальности мысль. Всё окружающее пространство кокона заполнено прозрачной жидкостью, а он висел в ней, еле заметно плавно покачиваясь вверх и вниз. Снова накатившая паника заставила шею максимально высоко тянуть голову вверх в неосознанной боязни утонуть. С бешено бьющимся сердцем, чуть продавливая податливую упругость материала, он тщетно попытался упереться руками и ногами в стенки кокона, скользя по гладкой ткани в попытке прорвать её и вырваться. И уже Адам почувствовал, как где-то там, с внешней стороны завибрировали какие-то механизмы, и он, против своей воли, начал плавное движение головой вперёд. С ужасом заметив, что пуповина начала вытягиваться, боясь скорого возвращения адской боли, Адам снова схватился одной рукой за её основание у своего живота. А второй продол-

жил скрести кокон, пытаясь уже не вырваться, а задержаться на месте. Стараясь не дать натянуться тёплому кожистому телу своего мучителя, он не понимал, чего хочет больше: остаться или поскорее покинуть это странное заточение. Но ничего не помогало. И Адам яростно дёргался, пытаясь хоть как-то уменьшить вернувшуюся режущую боль, снова возникшую от натянувшейся трубки. В какой-то момент он почувствовал, как его голова упёрлась в эластичную ткань кокона, растягивая её всё больше и больше. Ещё секунда, и мучившая его пуповина, блеснув длинным стальным жалом штыря на конце, оставляя после себя растворяющийся в прозрачной жидкости кровавый след, с утробным чавканьем оторвавшись от него, осталась где-то внутри, по другую сторону этого ада. Неведомая сила, открыв удерживающие выход невидимые запоры, буквально выплюнула его вон из кокона.

В потоках тягуче прозрачной, жидкой слизи он скатился по хромированному жёлобу на пол.

Лишённый питательной трубки организм требовал кислорода, и Адам, рефлекторно открыв рот, сделал вдох. Раздирая горло и лёгкие, воздух наполнил его жидким огнём, вызывая нестерпимую боль. От невозможности остановить прожигающее его изнутри пламя, Адам скорчился в позе эмбриона. Прикрывая обильно кровоточащую рану на животе, он громко и протяжно закричал: “Бог мой!” И тут же исходящий одновременно отовсюду голос, настолько громогласный, что казалось, он своей силой разорвёт голову, ответил: “Я здесь, Адам”. Животный ужас, помноженный на адскую боль, заставил его ничего не соображающее тело, не глядя, ползти подальше от желоба, оставляя за собой на кафельном холодном полу обильно окрашенную кровью склизкую дорожку, дышать обжигающим огнём, плакать навзрыд, размазывая по лицу слёзы, слюни и сочащуюся из носа тягучую жидкость, перемешанную с соплями. Попытка открыть глаза окончилась неудачей. Сетчатку обжёг нестерпимо яркий свет, пронизав голову адской болью, мучающей его как с снаружи, так и изнутри. Испытываемые им муки пытались вырваться наружу и проникнуть вовнутрь одновременно, заставляя пылающее огнём горло протяжно кричать одно только длинное: “Аааа!!!”

Но уже силы его иссякали, и Адам, оперевшись головой в холодную стену, подтянув ноги к подбородку, рыдая, понемногу начал затихать, свернувшись в позе эмбриона.

4

В залитой холодным потолочным светом, с парой негорящих ламп комнате, у стены, укрытой молочного цвета пластиковыми панелями, прижав колени к груди, на боку лежал голый Адам. Подсохший от слизи и свернувшейся крови светлый кафельный пол неприятно охлаждал его тело, жёстко впиваясь равнодушными плитками в плечо и бедро. Голова его была неудобно откинута набок, глаза закрыты, а из приоткрытого рта свисала блестящая нитка слюны. Белая утыканная проводами и трубками двухметровой длины капсула с ещё открытой и чем-то напоминающей вагину чёрной щелью, через которую он появился на свет, равнодушно смотрела куда-то в сторону, стоя точно по центру комнаты, прямо над начинающимся под ней хромированным желобом, упирающимся вторым своим краем в решетчатый водосток пола. Два воронёных ствола, явно огнестрельного оружия, располагаясь под потолком по углам помещения, грозно уставились на лежащее без сознания тело, повернувшись в его сторону на вращающихся платформах. На одной из стен висело большое электронное табло, разделённое на восемь подписанных секторов. Секунды, минуты, часы, дни, недели, месяцы, годы, экземпляр. С мигающими цифрами 3-13-15-6-2-8-40-14. Расположенная ровно под ним панель управления деловито светилась множеством дисплеев, на которых пульсировали вектора волны и мерцали цифры значений. Множество светящихся кнопок, в основном белого, зелёного и жёлтого цветов, мигали, сообщая о разнообразных процессах происходящих внутри этой аппаратуры. Среди россыпи лампочек были видны мигающие кнопки с надписями “Программа завершена”, “Повторение функции”, “Запуск”, “Удаление” и “Выключение системы”. Ведущие из комнаты раздвижные двойные двери были закрыты и светились красным светом сквозь непрозрачную матовость стекла.

“Здравствуй, Адам”, – произнёс уже знакомый Голос. Лежащий на полу человек никак не отреагировал на приветствие. Через паузу, не меняя интонации, фраза прозвучала в комнате снова: “Здравствуй, Адам”. И через равный промежуток времени опять: “Здравствуй...” “Здравствуй...те”, – перебив, чуть моргнув полуоткрытыми веками, выдавил из себя Адам. Затем, закашлявшись и скривившись от боли, попытался приподнять неудобно лежащую голову. Не сумев справиться с задачей, он попробовал сесть, оперевшись в пол слабой рукой, но и тут потерпел неудачу, безвольно опустив её на холодный кафель. Нитка слюны, всё также свисавшая из уголка его рта, качнувшись, организовала собой небольшой чуть блестящий на свету мостик, идущий от грязного измученного лица к затёкшему от неудобной позы плечу. Чуть отдохнув и собравшись с силами, Адам сделал новую попытку опереться рукой в пол. В этот раз это ему удалось, и он даже попытался приподнять голову на трясущейся от напряжения шее. Нитка слюны, связывающая рот и плечо, порвалась, а полузакрытые веки, приподнявшись, отправили закатившиеся вверх зрачки на место, позволив ему, проморгавшись, наконец-то взглянуть на окружающий мир.

“Здравствуй, Адам, – всё также буднично и монотонно в который раз повторил Голос. – Требуется подтверждение дееспособности” “А выступить на празднике лилипутов не требуется?” – кривясь, через силу, закашлявшись, выдавил из себя Адам. “Нет, – несколько не раздражаясь, произнёс Говоривший. – Требуется подтверждение дееспособности”. Помогая себе дрожащими от напряжения, всё ещё плохо слушающимся руками, Адам привстал и, сморщившись от боли, с большим трудом сел, опершись о стену. Чуть отдохнув с закрытыми глазами, он снова откашлялся и, шурясь от режущего света, прохрипел: “Где я?” “Требуется подтверждение дееспособности”, – упрямо повторил Голос. Соскользнувшее на кафеле бедро заставило Адама сморщиться от рези слегка затянувшейся раны. Он опустил глаза и, кривясь, посмотрел на эпицентр боли. Очень похожее на разъём для наушников стального цвета гнездо, холодно блестело вместо пупка, посредине лишённой кожи и ещё чуть кровотокащего мяса живота.

“Что за хрень? – с трудом шевеля пересохшими губами, спросил он непонятно кого, и тут же снова скривил лицо от прорезавшего адского огня открытой раны. – Есть обезболивающее?” “Требуется подтверждение дееспособности”, – неумолимо прозвучало снова. “Видно, от тебя не отвяжешься, – сквозь зубы процедил Адам. – Что нужно делать-то?» “Выбери на панели управления необходимую команду из предложенных”, – предложил Голос. Смерив расстояние, отделяющее его от мигающих лампочек приборов, Адам с сомнением покачал головой, и преодолевая боль, оттолкнулся от стены. Не сумев подняться на ноги, пачкая пол капельками крови, он на четвереньках медленно пополз к светящейся панели, провожаемый неотрывно следящими за ним тревожными стволами оружия. Добравшись и проведя дух, сплёвывая усталою слюну, помогая себе руками, Адам стал пытаться встать на колени. Простреливаемое болью, обнажённое тело дрожало, и не желало делать то, чего ждал от него голос. Но альтернативы не было, и он едва не до крови закусив губу, упорно пытался подняться. Когда это ему наконец удалось, Адам, держась за первый попавшийся прибор индикации, прочёл надписи на мигающих кнопках и буквально выдохнул: “Какую?” “Выбери необходимую команду из предложенных”, – так же бесстрастно повторил Голос. “Козёл”, – зло процедил Адам и, помедлив буквально пару секунд, осторожно нажал кнопку «Выключение системы». Работающие где-то за пределами комнаты моторы механизмов стали замедляться, россыпь лампочек перестала мигать, и подсветка панели загорелась ровным спокойным светом. Повинуясь внутреннему алгоритму, красный цвет раздвижных стеклянных дверей в стене изменился на зелёный, а направленные на него стволы оружия равнодушно отвернулись. На секунду потолочные лампы погасли, и табло, обнулившись в семи окошках, поменяв в восьмом цифру с 14 на 15, после короткого звукового сигнала начало новый отсчёт. “Похоже, угадал”, – прохрипел Адам, смахнув текущие из носа сопли и вытирая слезящиеся глаза. “Дееспособность подтверждена”, – буднично констатировал Говоривший. “Сейчас-то дашь обезболивающее, козёл?” – зло спросил Адам, едва сдерживаясь что бы не закричать от пульсирующей боли в ране живота. В стене, рядом с панелью управления, открылось круглое отверстие диаметром с руку. «Сюда», – приказал Голос. Чтобы до неё добраться, Адаму необходимо было встать и пройти пару шагов. Держась за панель слабыми пальцами, дрожа от напряжения, он попытался подняться. С трудом, но ему это удалось. Чуть переведя дыхание и стараясь не замечать адскую боль горящей раны, Адам, с огромным трудом удерживая тело на трясущихся непослушных ступнях, держась за панель и стену, зашаркал к отверстию. Добравшись до него, тяжело дыша, словно пробежавший дистанцию марафонец, спросил: “Дальше что?» “Вставь руку, тебе будет сделана инъекция”, – разнеслось по комнате. “Не отравишь?” – уперевшись рукой прямо в светящиеся приборы и лампы индикации, пытаясь заглянуть внутрь черноты отверстия, прохрипел Адам. “Убивать тебя было бы нелогично”, – обыденно произнёс Говоривший. Новый приступ боли заставил измученное болью сознание просунуть слабую руку в засветившуюся синим кварцевым светом дыру. Едва его локоть скрылся в отверстии, Адам почувствовал, как там внутри что-то, безапелляционно обхватив запястье, страшно утянуло его внутрь по плечо. Испугано вскрикнув и ударившись по инерции виском о панель, он почувствовал плотно перетянувший рук жгут, и тут же, мгновением позже, болезненный укол. Не успел Адам опомниться от этих пусть бесцеремонных, но всё-таки терпимых манипуляций, как его плечо пронзила невероятная боль ожога, наполнившая комнату запахом палёного мяса. Крик ужаса и боли вырвался из измученного рта, и он, забыв о раненом животе, со всей оставшейся в теле силой стал пытаться вытянуть руку обратно. Удерживающий внутренний зажим ослабил хватку, и его тело, не устояв на ногах, попятившись, упало на спину.

Адам больно приложился спиной и затылком об пол. Удар был настолько сильным и неожиданным, что он, против воли зарывав, словно маленький ребёнок, зашёлся в крике от слившихся воедино ноющей боли раны живота, ушибленного затылка, спины и горящего адской болью, ещё чуть дымящегося, выжженного на плече, но уже смазанного какой-то

прозрачной мазью клейма цифры 15. “Сейчас всё пройдёт”, – обыденно пообещал Голос. “УРОД!!!” – кричал Адам, не в силах подняться. – Сколько ты ещё меня будешь калечить?!” Но введенное обезболивающее уже начало действовать, заставив боль достаточно быстро сходить на нет, а цифру на плече, зарубцевавшись, светлеть. Всё ещё лёжа, Адам прислушался к своему телу. С удивлением почувствовав, как быстро изменилось его физическое состояние, он через непродолжительное время попробовал аккуратно встать. С трудом, но у него это получилось. Опершись рукой о стену, он сделал осторожный шаг и, еле удерживая тело в вертикальном положении, очень медленно, но всё же двинулся снова к пульту.

Кое-как преодолев это небольшое расстояние и уцепившись за хромированную холодную ручку одного из приборов, с трудом, но он стоял, удерживая шаткое равновесие, словно канатоходец покачиваясь из стороны в сторону. “Теперь-то формальности соблюдены?” – зло прошипел он, устало сплёвывая. “Да”, – подтвердил Голос. “Слушай, не знаю, кто Ты, козёл, но дело такое, – хрипло дыша и ещё периодически кривясь от остатков утихшей боли, проскрипел Адам, – я тут недавно вроде попал в аварию, и мне нужно срочно позвонить жене, сообщить что я жив, – закончил фразу он, подозрительно глянув на стволы под потолком, – хотя и нахожусь в каком-то странном госпитале”. “Ты не можешь этого сделать”, – невозмутимо ответил Голос. “Это почему?” – с вызовом бросил Адам. “Потому что она мертва”, – бесстрастно сообщил Говорящий. “ЧТО?! – выкрикнул он, и чуть не упал снова. – Что Ты сказал?” “Она мертва”, – равнодушно разнеслось по комнате. Ошарашенный страшной новостью, Адам, отпустив прибор, попытался назад, теряя равновесие. Сила инерции тянула его спиной вперёд, грозя новым падением. И оно, конечно бы случилось, но он упёрся в стену, и тут же соскользнув по ней вниз, опустился на пол. Пытаясь осознать услышанное, Адам молча смотрел в пустоту невидящими глазами. Затем отрицательно покачал головой: “Нет, этого не может быть. Бред какой-то, она была совершенно здорова. Когда это произошло?” “Я не могу назвать точную дату, – бесстрастно ответил невидимый Собеседник, – так как такая информация не актуальна для полноценной жизнедеятельности центра 3, – затем, сделав паузу, продолжил: – Но, выстроив логическую цепь, могу предположить, что это случилось достаточно давно”. Закусив губу, Адам сидел, откинув голову. Уперевшись затылком в бесстрастный пластик стены и положив руки на согнутые в коленях ноги, он, оставив без внимания слезу, скатившуюся по щеке, ошарашено произнёс: “Что за день... что за грёбанный день сегодня?” “Суббота”, – сообщил Голос. Адам, будто ослышавшись, замер. Внезапно его полное страдания лицо исказилось яростью. Забыв о недавней боли и физической слабости, он неожиданно резко встал и начал истерично выкрикивать, глядя на капсулу: “СУББОТА?.. Ты сказал, мать Твою, суббота?! Сначала в меня воткнули болючую трубку со штырём, потом мучили хрен его знает сколько в этом сраном коконе, жгли, а теперь Ты говоришь, что Риты больше нет! И сейчас, мать Твою, просто суббота?.. Всё!!! На сегодня плохие новости закончились! Или что, попробуешь ещё чем-нибудь меня добить?! Давай, выдумай какую-нибудь срань и обо мне. Что, может, скажешь, я тоже умер?!” Его крик, эхом отражённый от бесстрастно равнодушных одиноких стен, замер в негромком урчании приборов. “Сообщаю запрошенную информацию, – ответил Голос: – Адам Фёрст погиб 21 сентября 2017 года. В течение последних шестисот тридцати лет, пяти месяцев, трёх недель, двадцати двух дней, четырнадцати часов, семи минут, сорока двух секунд проведено циклов репродукции пятнадцать. Время после воспроизведения последней копии три часа, девять минут, сорок три секунды. Подтверждение дееспособности получено”.

От неожиданности услышанного Адам замер, открыв рот. Затем, шмыгнув носом и вытерев проступивший на лбу пот, медленно произнёс: “Ты сказал, что Адам Фёрст умер 630 лет назад?” “Адам Фёрст, дата смерти 21 сентября 2017 года”, – бесстрастно повторил голос. “Это ошибка. Ведь я жив”, – прошептал он. “Да”, – согласился Голос. “Как это может быть?” – осторожно спросил Адам, глядя на кокон. “Ты воссоздан по матрице личности”, – сообщил Голос. “Воссоздан?.. И кому я обязан своей жизнью?” – продолжил тихо Адам. “Я твой Создатель” –

разнеслось по комнате. “А кто Ты?” – медленно, с опаской, на выдохе прошептал Адам, оглядывая комнату, и только тут заметил смотрящий на него блестящий глаз объектива камеры. “Я квантовый компьютер с реализованной нейросетью. Или проще с функцией искусственного интеллекта центра 3, глобальной системы сохранения памяти цивилизации. Моё имя Genesis Optical Digital System. Ты можешь называть Меня ГОДсис”, – ответил Голос.

“ГОДсис? – повторил Адам, будто пробуя услышанное имя на вкус. – ГОДсис как Бог? А Тебе не кажется, что это как-то нескромно?” “Хорошо это или нет, но это моё имя, к тому же Я был лишён права его выбора”, – ответил ГОДсис. Адам, посмотрев в объектив, медленно подошёл к белому кокону, из которого появился на свет, и, покачивая головой словно китайский болванчик, провёл рукой по его прорезиненному корпусу. Пытаясь осмыслить полученную информацию, он задумчиво смотрел на белый бок аппарата. Затем, снова подняв глаза на зрачок камеры, медленно переспросил: “Значит, я жив, а Рита – нет?” “Да”, – ответил ГОДсис. Помолчав и собравшись с духом, Адам осторожно задал следующий вопрос: “А кто ещё мёртв?” “Все”, – обыденно ответил ГОДсис. “Все, это в смысле?” – ошарашенный коротким и страшным в своей безапелляционности ответом, не закончил фразу Адам. “За пределами центра 3 биологических форм жизни нет”, – ответил ГОДсис. “Ты уверен?” – спросил Адам, облизнув губы. “За пределами центра 3 биологических форм жизни нет. Внутри периметра центра 3 жива штатная единица Адам”, – механически повторил ГОДсис. “Я что, последний человек на земле?” – осторожно спросил Адам. “Да”, – отразившись эхом от стен, прогремел короткий и страшный ответ ГОДсис.

Раздавленный ужасной новостью, не замечая своей наготы, Адам снова отступил к стене и сполз по ней, уставившись в пол. Посидев, неотрывно глядя в одну точку какое-то время, он снова спросил: “Людей нет... А кто есть?” “Никого нет”, – мгновенно эхом ответил ГОДсис. Пытаясь осмыслить услышанное, Адам прошептал: “Но как такое может быть?.. Как это произошло?”

“15 мая 2026 года Пакистан выпустил по Дели и Мумбаи ракеты с ядерными боеголовками. Вооружённые силы Индии успели ответить агрессору своим арсеналом атомного оружия. Используя данный конфликт, флот США после команды своего президента выпустил баллистические ракеты по Сирии и Северной Корее. Применение в столь короткий промежуток времени такого большого количества оружия массового поражения привело к тому, что температура на планете понизилась на ноль целых семь десятых градусов, что привело к началу «ядерной осени», которая, в свою очередь, вызвала продовольственный кризис, голод и первую волну вымирания. 4 сентября 2026 года для сохранения генетического фонда homo sapiens Китай, США, Россия, Великобритания, Канада и Европейский союз, забыв о недавних политических разногласиях, приступили к строительству в Антарктике единой международной сети колоний “Возрождение”. 9 февраля 2027 года на уже частично функционирующей базе и практически одновременно на Северном полюсе были совершены террористические атаки, целью которых было уничтожение как самих колоний, так и предотвращение возможности их постройки в будущем. Смертники привели в действие термоядерные заряды, в следствие чего многократно ускорилось таяние арктических льдов. На фоне глобального потепления, это привело к резкому подъёму уровня мирового океана на 64 метра, и второй волне вымирания. В ответ на атаку, заявив, что террористами являлись представители арабских стран, не приглашённые для участия в проекте, США, посчитавшие себя наиболее пострадавшими от затопления, в одностороннем порядке нанесли ядерные удары по таким странам, как Иран и Афганистан. Вследствие этого “Ядерная осень” переросла в «зиму», что привело к третьей и последней волне вымирания”. Голос ГОДсис замолк, и повисшая гнетущая пауза, кажется, физически заполнила всё вокруг. Раздавленный услышанным, Адам сидел, подперев голову, тупо уставившись в пол.

“Значит, все умерли, – прошептал он, – а я...” “Ты никогда не умрёшь, – не дав ему закончить фразу, ответил ГОДсис. – В протоколе выживания центра 3 предусмотрена единица биологического вида *homo sapiens*, и это ты”. “Почему я?” – спросил Адам, поднимая глаза к зрачку камеры. “Решение о сохранении тебя в матрице личности было принято руководителем проекта ГОДсис. Информация об этом человеке у Меня отсутствует. Но в копирайте стоит твоё имя как разработчика генетического алгоритма искусственного интеллекта”. “Подожди, подожди, – перебил Адам ГОДсис. – Ведь это чертовски верно. Я закончил работы по составлению алгоритма, буквально вчера... Ну то есть... в день гибели, и значит...” “Ты Мой отец”, – буднично закончил мысль Адама ГОДсис. “А Ты мой, – ещё тише прошептал в ответ Адам, берясь руками за голову. – Мозг кипит”. “Уже 630 лет благодаря тебе я создаю тебя, – произнёс ГОДсис. – Твой номер воспроизведения 15”. “Пятнадцатый, с ума сойти”, – пролепетал Адам. И тут обратил внимание на стального цвета гнездо разъёма в середине зарубцевавшейся раны живота, тускло блеснувшего от попавшего на него света. “А это?...” – спросил он, аккуратно дотрагиваясь до металла плотно сидящего в его теле. “Это коммуникативный порт, при помощи которого Моя система может быть соединена с тобой. Она создаётся и используется в момент воспроизведения. Скорее всего она не понадобится, ну разве что при возникновении определенной ситуации, – загадочно произнёс ГОДсис, – но надеюсь, что нам не придётся использовать его, тем более что такое действие приносит тебе болевые ощущения”, – добавил ГОДсис. “А уж я как надеюсь”, – горько усмехнувшись, в тон ответил Адам, осторожно погладив уже совсем затянувшуюся рану на животе. “С момента запуска проекта, – добавил ГОДсис, – необходимости таких соединений не возникало”. “Ну и хорошо”, – кивнул Адам, разглядывая на плече зарубцевавшийся шрам в виде цифры 15. “Слушай, если я пятнадцатый, тогда должен же быть и предыдущий, четырнадцатый?” – спросил Адам. “Он здесь, в центре”, – ответил ГОДсис. “Ну вот, значит, я не единственный на земле? – воодушевился Адам и, поднявшись на ноги, пошёл было к выходу из комнаты. – Мне сейчас просто до чёртиков необходимо кого-нибудь увидеть. Просто поговорить...”. “Увидеть сможешь, поговорить нет”, – бесстрастность ГОДсис остановила Адама, и он, повернувшись к зрачку камеры, настороженно спросил: “Почему?” “Он мёртв, – сообщил компьютер и, не дав Адаму задать следующий вопрос, монотонно забубнил один из своих протоколов: – Во избежание возможных неконтролируемых последствий, а также вероятных психологических травм и осложнений создание новой личности происходит только после смерти предыдущей, утилизация которой также входит в круг твоих обязанностей”. “Значит, от общения с собой травмы будут, а от собственных похорон нет? – спросил потрясённый Адам. – Получается, я что, должен буду хоронить сам себя?” “Утилизация предыдущего экземпляра входит в круг твоих обязанностей”, – повторил ГОДсис. Передёрнув плечами от ожидающей его перспективы, Адам стоял, ссутулившись, опустив руки. Через какое-то время обречённо подняв глаза, он снова огляделся и, заметив в одной из хромированных частей панели своё отражение, увидел, что он совершенно голый: “Мне бы чем-нибудь прикрыться, – прикрыв руками гениталии, застеснявшись, пожал плечами Адам, – штаны или хотя бы трусы”. “Твой предшественник с индексом воспроизведения 11 уничтожил всю хранящуюся для репликантов одежду”, – сообщил компьютер. “ЧТО?.. Ты хочешь сказать, что мне даже нечем прикрыться?” – прошептал огорошенный новой проблемой Адам. “Отсутствие одежды не мешает исполнению твоих обязанностей”, – ответил ГОДсис. “Что же это такое, сколько у Тебя ещё хреновых новостей для меня?” – недовольно пробурчал Адам и, не получив ответа, снова оглядел комнату. Заметив в небольшой нише стопку старых полотенец, подошёл и стряхнув многолетнюю пыль с верхнего из них, он обвязал его вокруг бёдер. “Я могу это взять?” – спросил он. “Ты можешь делать всё, что не противоречит протоколу исполнения твоих обязанностей”, – ответил ГОДсис. “Мне нужно что-то съесть, а ещё лучше – выпить”, – сказал Адам, снова заглядывая в объектив камеры. “Необходимые для твоей жизнедеятельности вещи ты найдёшь на складах хранения и в доме центра 3”, – сообщил компьютер. Адам

тяжело вздохнул и, посмотрев на раздвижные двери, ведущие вон из комнаты, произнёс: “Ну что же, пойдём попробуем жить по новой”. И вышел в коридор сквозь плавно разъехавшиеся стеклянные половинки.

5

В тишине длинного коридора, где добрая часть пыльных люминесцентных ламп перегоревшего освещения оставляла тёмные провалы полумрака среди островков электрического света, появилась одинокая фигура Адама. Со шрамом цифры 16 на плече, шлёпая босыми ногами по давно немытому, прилипающему к ступням полу, он перешагивал через валяющийся мусор, периодически отбрасывая его к стенам, в симметрично расположенных нишах которых напротив друг друга темнели дверные проёмы.

“Я понимаю, что прошло столько лет, но почему такой бардак?” – спросил Адам, поддев ногой древнюю обёртку от шоколада, на которой ещё угадывались засохшие следы лакомства. “Одиннадцатый уничтожил обслуживающие дом механизмы”, – ответил ГОДсис. “Зачем он это сделал, идиот?” – удивился Адам. “Он пытался распространить протокол внешней чистоты на центр 3”, – ответил ГОДсис. “Внешняя чистота, – повторил Адам, осматривая царящую вокруг жуткую картину хаоса и упадка. – Похоже, у него ничего не получилось. Грязи-то вон сколько... А внешняя чистота, – хмыкнул он, – даже звучит как-то тупо”. “Протокол внешней чистоты – это процедура, запускаемая при включении функции автономной жизнедеятельности. Во избежание нарушения естественного хода эволюции ничего из внутреннего периметра центра 3 не может попасть за его пределы”, – процитировал ГОДсис. “Странный он, этот твой протокол, – пожал плечами Адам. – Ну да ладно. Так и что же этот одиннадцатый?” “Он пришёл к мысли, что внутренний периметр центра 3 – такая же часть нового мира, как и внешняя, – ответил ГОДсис. – Поэтому и здесь всё должно быть чистым и свободным от идей, мыслей и предрассудков погубившей себя цивилизации”. “В этом что-то есть”, – подумав, согласился Адам. “Это спорное мнение. И оно привело его к идее об уничтожении центра 3”, – ответил ГОДсис. “Ну, судя по тому, что мы сейчас разговариваем, у него ничего не вышло”, – констатировал Адам, разглядывая древние бланки каких-то слипшихся от времени документов, валяющихся прямо на полу. “Он привёл в негодность только обслуживающие дом механизмы, – сообщил ГОДсис, – перенёс на склад развлекательное мультимедийное оборудование, книги, одежду и всё это сжёг”. “Почему же ты не остановил его?” – удивился Адам. “Наличие или отсутствие всех этих элементов не противоречит протоколу выживания центра 3”, – произнёс ГОДсис. “Козёл он, – бросил с досадой Адам. – Так и чем всё закончилось?” “В момент попытки уничтожения моего дата-центра он погиб”, – буднично сообщил ГОДсис. “Погиб...” – задумчиво повторил Адам, подойдя к очередной паре прячущихся в нише закрытых дверей, которые тут же разъехались в стороны, давая ему возможность заглянуть в находящееся за ними помещение. Заполненное покрытыми многовековой пылью столами, стульями, давно сломанным шкафом с оторванной дверцей и несколькими неработающими разбитыми приборами, усугубляющими общую картину запустения и упадка, оно, как и весь дом, производило удручающее впечатление. Постояв немного у порога, Адам, не заходя, двинулся дальше, оставляя позади вереницу таких же безжизненных комнат, наполненных бесполезным мусором. Заметив в разрухе одного из помещений пыльную штору, Адам зашёл и вытянул её, заставив лежащую на ней кучу хлама развалиться с грохочущим эхом, разлетевшемся в мёртвом безмолвии ветшающего здания.

Повертев в руках выгоревшую от времени ткань, он встряхнул её, поднимая облако пыли, и чуть брезгливо скривившись, повязал на бёдра.

Одна из висящих под потолком пыльных камер наблюдения повернулась в его сторону, загораясь красным огоньком включения. Выглядающий со шторой на бёдрах как гротескная цыганка, Адам вернулся в коридор и двинулся дальше, а холодный глаз объектива, проводив его, отключившись, снова неподвижно застыл на месте. “Зачем столько комнат для одного человека?” – спросил Адам. “При запуске центра 3 здесь работал обслуживающий персонал,

который осуществлял взаимодействие со всей глобальной системой сохранения памяти цивилизации, при запуске состоявшей из нескольких центров. К сожалению, связь с ними сейчас утеряна”, – ответил ГОДсис. “Жаль, – покачал головой Адам. – А сколько их было всего?” “Изначально шесть, – объяснил ГОДсис. – Первый – морская флора, второй – морская фауна, третий – земная флора, четвёртый – земная фауна, пятый – дублирующий вспомогательный цифровой дата-центр, шестой – центр репродукции человека. С момента наступления ядерной зимы система находилась в спящем режиме до тех пор, пока атмосфера планеты не стала соответствовать значениям, предусмотренным протоколом безопасности. После расконсервации центры приступили к своим функциям по возрождению жизни. Но через двенадцать лет центры 1 и 2 в связи с продолжающимся подъёмом уровня воды были затоплены. Центр 6 какое-то время занимался клонированием человека. Но биологические единицы персонала, руководствуясь религиозными мотивами, прекратили репродукцию и уничтожили аппаратуру, после чего центр отключился от сети, передав сообщение о собственном уничтожении. Вместе с кодом глобальной системной ошибки и выходом из строя всех систем жизнеобеспечения также был зафиксирован выход из сети центра 4. Последний сеанс обмена данными происходил с центром 5, но это была попытка взлома моей системы защиты, в связи с чем, следуя протоколу безопасности, я перевёл центр 3 в режим автономной жизнедеятельности, несмотря на то что тем самым пресек свои попытки обмена данными с Норвежским зернохранилищем Лонгйир. Вследствие этого воспроизводство многих видов растений, особенно фруктовых, стало невозможным”, – ответил ГОДсис. “Сливой больше, грушей меньше, пережить можно. Но ведь если кто-то пытался тебя хакнуть, значит, там есть люди?” – с надеждой спросил Адам. “Центр 5 – это блок памяти, дублирующий информацию всей сети в цифровом виде. Там не предусмотрено существование биологических единиц, – холодно руша надежды Адама, ответил ГОДсис. – Попытка взлома – это сбой системы”.

Подойдя к открытой двери столовой, стены которой были изрисованы граффити и не очень профессионально сделанными рисунками, Адам остановился. “Узнаю руку мастера”, – саркастически хмыкнул он. “Это не мастер, это...” – начал фразу ГОДсис, не заметив сарказма. “Сам знаю, чьих рук это дело”, – раздраженно перебил Адам и, подойдя к стоящему посередине комнаты длинному обеденному столу, стал рассматривать его поверхность, покрытую вырезанными ножом символами и выражениями, подписанными Адамами с различными цифровыми индексами на конце: “23 июля, с днём рождения, любимая, Адам 4 жив”. “Адам 7 горит в аду”. “Пламя очищения Адама 11, одиночество Адама 5”. “Адам 10 был здесь”. Оглядывая стены столовой, он заметил извилистую линию, выведенную красной краской. Отойдя подальше, Адам проследил взглядом за её прячущимся под другими граффити изгибающимся телом и обнаружил, что это знак бесконечности, обещающий что-то неизбежное, и судя по отчаянно выверенной прорисовке, не очень приятное.

Почти все стулья были испорчены. С поломанными спинками они лежали сваленными в углу, жутковато ошестинившись погнутыми ножками, так что даже теперь было понятно, в какой ярости кто-то из его предшественников крушил ни в чём неповинную мебель. Сквозь несколько полупрозрачных закрытых дверей шкафов были видны пустые полки. Громко тарахтящая древним мотором большая морозильная камера, единственный функционирующий механизм помещения, отливала большими частично мятыми стального цвета дверцами. “Здесь ты найдёшь еду”, – сообщил ГОДсис, и висящая под потолком камера крупно сфокусировалась на растерянном лице Адама, чья фигура, стоящая в неудобном помещении столовой, выглядела особенно одиноко. “А выпить ничего нет?” – с сомнением спросил Адам. “В кране есть вода”, – ответил ГОДсис. Расстроено вздохнув, Адам подошёл к ближайшему от него шкафу и, решив заглянуть за одну из его дверей, потянул её на себя. Она тут же отвалилась от превратившейся в труху стенки, открыв полупустые полки, на которых стояла белого цвета посуда, которой, похоже, не пользовались последние лет триста. “Где продукты?” – спросил Адам,

находя глазами неотрывно следящее за ним блестящее стекло объектива, око. “В морозильном шкафу”, – откликнулся ГОДсис. Адам подошёл к большой туше морозильника и, потянув на себя тяжёлые, трясущиеся от многовековой работы двери, увидел его полупустые внутренности, на четверть заполненные однообразными брикетами белого цвета с напечатанным на них сроком изготовления. Достав один, он прочёл: “Питательный набор. Дата производства 07.2025. А это точно можно есть?” – осторожно спросил он. “Эту смесь нужно разбавить водой. У неё нет срока годности, – ответил ГОДсис и, помолчав, добавил: – В хранилище еще есть остатки мёда, который тоже не портится”. “На одном мёде я не протяну. Хотя тебе-то чего? – вздохнул Адам. – Если очокурюсь, ты себе нового напечатаеть. Обидно будет только мне, ведь это я только жить начал”. “Субстанция безопасна, и её можно совершенно спокойно есть, – не реагируя на колкость, ответил ГОДсис. – В смеси есть все необходимые для твоей жизнедеятельности вещества. Разбавь её водой и подогрей в печи СВЧ по вкусу”. “Звучит как-то не аппетитно, – пробурчал в ответ Адам и, разорвав упаковку брикета, с некоторым отвращением осторожно попробовал на язык коричневый порошок, – будто нужно взять дерьмо, подогреть по вкусу и съесть”. “У тебя нет выбора, Адам”, – отрезал ГОДсис. – Чтобы жить, ты должен питаться”. Тяжело вздохнув, Адам пробежал глазами инструкцию, и взяв глубокую чашку, высыпал туда часть содержимого пакета. Грустно посмотрев на неаппетитный порошок вздохнул, и подойдя, открыл скрипучую ручку крана. В эту же секунду где-то в глубине труб раздавалось бульканье, и ржавый от времени, кривой носик сначала выпустил струю воздуха, а затем начал трястись с мелким дробным стуком. Через пару секунд успокоившись, он выплюнул из себя первые ржавые капли, которые через непродолжительное время превратились в тонкую грязную струйку. Адам недовольно скривился, глядя на текущую из крана жидкость. Но уже через пару минут ржавый ручеек, превратившись в уверенный поток, посветлел и ещё чуть погодя стал полноценной прозрачной струёй. Наклонившись, Адам понюхал вытекающую жидкость и, макнув палец, осторожно попробовал её на вкус. Скривившись, недовольно покачал головой: “Тёплая, с каким-то запахом”. Затем, махнув рукой, припал к крану, жадно втягивая в себя воду. “Жидкость совершенно безопасна. Система циклической обработки исправна”, – уверенно сообщил ГОДсис. “Циклической обработки? – мгновенно оторвавшись от крана, осторожно спросил Адам. – Ты что, хочешь сказать, что она уже была использована?” “Центр 3 находится в режиме замкнутой жизнедеятельности, поэтому использование внешних источников невозможно. Это канализационная очищенная вода”, – буднично сообщил ГОДсис. Адам с отвращением посмотрел на текущую из-под крана жидкость, затем выдавил из себя: “Этим до меня когда-то смывали дерьмо?” Он с ужасом повернулся в глазок равнодушной камеры. Краска сошла с его лица, и он, еле зажав рот рукой, метнулся в угол, где его вырвало.

Когда спазмы постепенно сошли на нет, ГОДсис произнёс: “Эта технология отработана веками, и вода совершенно чистая. Ты можешь пить, не опасаясь”. Это фраза вызвала из перекошенного от отвращения рта очередной, значительно короче, чем первый, достаточно быстро сошедший на нет, приступ. Белый как мел, Адам повернулся к глазку камеры, вытирая губы: “Прошу тебя, прекрати, иначе я, не успев пожить, всё-таки помру раньше времени”. “Если разговор о чистоте воды вызывает у тебя такую реакцию, я больше не буду говорить об этом, – пообещал ГОДсис. – И чтобы закрыть этот вопрос, прошу тебя не пить из уличного водохранилища. После окончания войны радиоактивные осадки прошли над все планетой, и пока я не могу гарантировать качества находящейся под открытым небом воды”. Адам тяжело вздохнул и, покачав головой, произнёс: “Может, конечно, и на самом деле прошло 630 лет. Но для меня-то всё было ещё вчера. Так что умоляю, пожалей мою психику, которая, поверь, и так работает на пределе”. Утерев губы от вышедшей из него водянистой желчи, Адам спросил: “Ты говорил что-то о мёде?” “Он в хранилище, но и здесь ты сможешь его немного найти”, – ответил ГОДсис. Адам начал поочерёдно открывать шкафы, в одном из которых обнаружил несколько пар одинаковых высоких кожаных сапог на шнуровке. “Первая приятная новость

за день, хоть что-то ценное в этом склепе. А размер? – натягивая обувь, бубнил себе под нос он. – Ну, конечно, мой”. Затянув шнурки, Адам продолжил рыться в полупустых шкафах, пока не нашёл единственную закрытую банку мёда. Сорвав с неё крышку, он сунул пальцы в достаточно узкое горлышко и, с трудом отковырнув, достал оттуда кусочек давно засахарившейся сладости. Понюхав лишённую запаха субстанцию, Адам отправил её в рот и, ощутив сладость, начал с удовольствием катать языком между зубами чуть хрустящие беловатые комки.

6

Стоящее на высоком холме двухэтажное минималистичной архитектуры здание блестело окнами, защитные рольставни которых были подняты. Рядом с домом, соединённые переходами, стояли несколько вспомогательных строений. Парники с разбитыми стёклами, один давно сгоревший и два целых склада-ангара, на крышах которых, отражая небо чёрными ячейками, блестели ряды солнечных батарей. Чуть ниже по склону расположилась огромная, плотно засаженная территория, разделенная на сектора мощёными серой плиткой трёхметровой ширины дорожками и выходящими из искусственного озера четырьмя водостоками, больше похожими на небольшие речушки. Всё пространство насаждений было окружено очень высокой частично увитой плющом каменной стеной, с расположенными по всей её длине металлическими мачтами, на верхних концах которых под выключенными прожекторами освещения были видны грозные стволы оружия, смотревшие куда-то за периметр. Внешний вид имевшихся гигантских бронированных ворот совершенно ясно говорил о том, что их или никогда не открывали, или делали это невероятно давно. Стройная белая нога громадного безлопастного ветряка, стоя ровно за домом, господствовала над всей территорией, прилично возвышаясь над защищающими этот мир древними стенами. Находящаяся в верхней её половине продольная перекладина с расположенными на ней такими же, как и на стене, световыми приборами делала сооружение похожим на колоссальных размеров крест.

Резко контрастируя с буйством зелени внутренней территории, укрытые снежными шапками виднеющиеся вдалеке высокие горы, да и вся окружающая местность, сколько хватало глаз, поражали своей холодной безжизненностью. Ни в пустынном безоблачном небе, ни на каменистой земле, лишённой какой бы то ни было зелени, не видно было ни одного живого существа. Мёртвая тишина накрывала собой всё. И только ветер играющий листвою в плотно стоящих деревьях, гудящий в ветряке и в мачтах на стенах, производил хоть какой-то внешний шум.

Выходящая на крыльцо дома раздвижная дверь открылась, и из освещённого люминесцентными лампами коридора вышел Адам с зарубцевавшимся шрамом цифры 17 на плече. На его бёдрах узлом была повязана старая, многократно стиранный простынь, а ноги были обуты в высокие сапоги на шнуровке. Тут же отсоединившись от крепления на стене дома, навстречу ему чуть слышно, зашумев винтами моторов, взлетел дрон. Блеснув глазком камеры, механизм отразил сложным стволом своего оружия попавший на него солнечный блик. Адам с интересом повернулся к зависшему рядом с ним механизму. «Это система внешнего контроля, или просто “глаз ГОДсис”», – произнёс дрон всё тем же знакомым голосом компьютера. “Тотальный контроль? Неплохо”, – заглядывая в отразившее его стеклянное око объектива, хмыкнул Адам. “Я вижу всё, что происходит внутри периметра, – подтвердил ГОДсис. – Это система внешнего контроля”. Входные двери плавно закрылись, и Адам, потеряв интерес к дрону, щурясь от яркого утреннего солнца, стал осматривать окружающий его пейзаж, ёжась от свежего горного ветра. Оценив колоссальных размеров территорию, впечатлённый размерами насаждений, вздохнул: “Ну и громадина... Это же надо? Я ненавижу даже газон стричь, а тут целый мир”. “Отныне и навсегда это твой дом Адам, – обыденно сообщил ГОДсис. – Перед тобой центр 3. Он разделён на четыре сектора: “Медведь”, “Лама”, “Змей” и “Лев”, – негромко жужжа пропеллерами, выдавал информацию дрон. – Границами между ними служат водостоки”. “Личный лес и реки”, – прошептал Адам, оглядывая раскинувшийся перед ним величественный пейзаж. Приглядевшись, он заметил между деревьями похожих на пауков размером с овчарку роботов, занимающихся садовыми работами. “А это?..” – кивнул он. “Механизмы поддержания функционала растений. Физическая часть системы, “Автоматическая Навигационная Группа Электро Логистики”, – пояснил ГОДсис, – или просто ангелы. Их

задача – следить за опылением, здоровьем и уборкой жизнедеятельности всей флоры центра 3”. “Умер старшим техником, – покачал головой Адам, – а ожил начальником ангелов ГОДсис. Это повышение?” – саркастически спросил дрона Адам, провожая взглядом ползущий по своим делам один из механизмов, как и остальные, хорошо различимый благодаря белому цвету корпуса на сочной зелени сада. “Это решать тебе”, – ответил дрон, неподвижно вися в воздухе. Вглядевшись, Адам удивлённо заметил, что передняя часть ангела, походящая на голову жука, имела пластину, на которой было нарисовано не очень пропорциональное человеческое лицо, рот которого приходился на технологическое отверстие механизма. Узнав свою непрофессиональную технику письма, Адам улыбнулся жутковатому виду робота, благодаря рисунку получившему гротескный вид: “Неплохо. А это какой же из нас так над ними поработал?” “Все твои предшественники в какой-то момент начинали делать это. Я думаю, что и ты рано или поздно займешься тем же”, – ответил ГОДсис “Тут ты прав, – улыбнулся Адам, – раз уж существует такая традиция, то я просто обязан продолжить её. Ну, конечно, если найдётся чем”. “В доме ещё осталось небольшое количество краски, годной для технического обслуживания центра 3, – ответил дрон. – И хоть я не одобряю подобного времяпрепровождения, но это занятие не противоречит протоколам...” “Жизнедеятельности центра это только поможет, – широко улыбнувшись, перебил дрона Адам, – и хоть немного добавит жизни этой дыре. Решено, я тоже разрисую себе какого-нибудь любимчика. Буду его выгуливать, а по вечерам устраивать робопати или просто романтические посиделки светской болтовни”. “Прости, но у ангелов отсутствуют коммуникативные функции, – произнёс ГОДсис. – В твои обязанности входит только физический ремонт и, если потребуется, утилизация всех систем и механизмов внутри периметра”. “Слушай, это что, специально сделано так, чтобы мне не с кем было словом перемолвиться?!” – досадуя, спросил Адам. “Ты можешь говорить со мной, – ответил ГОДсис. – Прежде в доме были игровые приставки, фильмы и книги, но Адам 11...” “Сжѐг их вместе с одеждой...” – сокрушѐнно закончил за дрона Адам.

В это мгновенье далѐкий гул, похожий на гром, прервал их разговор. “Что это?” – спросил Адам, тревожно прислушиваясь. “Это всё ещё продолжающиеся последствия ядерных ударов, – ответил ГОДсис. – Центр 3 расположен в сейсмически активной зоне, поэтому землетрясения здесь обычное явление”. Прикрыв ладонью глаза от слепящего солнца, Адам поднял голову на громадину ветряка и, глядя на его стройные белоснежные формы, спросил: “А он не упадѐт?” “Я не позволю этому случиться, – пообещал ГОДсис. – И ты создан, чтобы помочь мне в этом”. Едва дрон закончил фразу, дом вместе с крыльцом под ногами Адама сперва еле заметно, затем всё более ощутимо затряслись. Стѐкла в окнах задрезжали, а стены кое-где осыпались штукатуркой. “Надеюсь, ты прав”, – засомневался Адам, разглядывая старые и расплзающиеся, словно живые, тоненькие паутинки новых трещин здания. “Я никогда не ошибаюсь, – безапелляционно парировал ГОДсис. – По моим расчѐтам, при неблагоприятном развитии сценария возможно усиление земных возмущений, но не раньше чем через двести – триста лет”. Между тем дрожь земли начала сходить на нет и буквально через пару секунд пропала вовсе. “Всего-то?” – обрадовался Адам, потопав ногой по небольшой трещине, появившейся на крыльце. – На совесть строили”. Довольно спустившись на дорожку, сопровождаемый держащим математически точное расстояние от него “глазом ГОДсис”, Адам пошѐл вдоль дома, негромко напевая: “Двести, триста, ерунда”. Затем, внезапно остановившись и повернувшись к тут же замершему в воздухе механизму, помедлив, спросил: “Ты убил его?” “Кого?” – в свою очередь задал вопрос ГОДсис. “Ну его, этого одиннадцатого?” – пронзительно глядя в зрачок камеры, спросил Адам. “Мой протокол выживания предусматривает любые меры защиты, направленные на продолжение жизнедеятельности центра 3. Но в данном случае этого не потребовалось. Он поджѐг себя, пытаясь уничтожить дата-центр. Система пожаротушения сработала, но он не выжил», – буднично закончил ГОДсис. “Жѐсткий был мужик, – помолчав, задумчиво произнёс Адам, – ничего уж тут не исправить. Игры только жалко”. И, тут же увидев

несколько стоящих под навесом гольф-каров, оживившись, быстро пошёл в их сторону: “Хоть тачки не тронул, пироманьяк хренов”.

Отпилив сухую ветку дерева, матово блестя белым корпусом в темноте ночного леса, ангел начал спускаться вниз по стволу задом наперёд, прямо на ходу отправляя её в “ротовое” отверстие на своём теле. Шум заработавших внутри тела механизмов стал громче, и из нижней части брюха, словно отходы жизнедеятельности, посыпались опилки.

На мгновенье выхватив из черноты леса тусклым светом фар ангела, занятого своей работой, тихо гудя электромотором, мимо него проехал гольф-кар. Подпрыгивая на сиденье от неровностей раскрошившейся плитки дорожки, сквозь которую пробивались ростки травы, Адам сжимал потрескавшийся от времени дёргающийся руль, с опаской вглядываясь в чернильный мрак, плотно укрывший близко подступившие деревья. Лежащая в его кузове лопата постукивала своим штыком о бывшую в употреблении, но всё ещё достаточно новую одноколёсную тележку, борта которой были выкрашены синей масляной краской с жёлтой надписью “Центр 3”. Едва различая дорогу, Адам с выжженной цифрой 18 на плече до боли в глазах всматривался в липкую темноту перед собой. Голое волосатое бедро выглядывало из-под намотанного на поясе коричневого полотенца. Ноги, обутые в ношенные, но ещё приличного состояния высокие сапоги на шнуровке, белели голыми коленками в темноте. Параллельно с ним, мигая зелёной лампочкой индикации и поблескивая глазком камеры, летел “глаз ГОДсис”. В какой-то момент Адам неожиданно громко закричал: “Хееей!!!” Его крик с эхом унёсся и пропал в тишине леса, нарушаемой только шелестящими на ветру листьями деревьев. “Всегда боялся ночного леса, – довольно сказал он, – а теперь, кажется, нет”. «Здесь тебе ничего не угрожает», – уверенно ответил дрон. “Да знаю, – внезапно закипая, ответил Адам. – Тут даже мух нет, чёрт их дерит”.

Неожиданно оранжевый огонёк, коротко полыхнув, высветил одно из близко стоящих деревьев. “Это что там?” – резко остановив гольф-кар, спросил Адам, спрыгивая на плитки дорожки. Не дожидаясь ответа, он быстро пошёл в сторону недавней вспышки. И почти сразу заметил ангела, умиравшего прямо у него на глазах. Механизм лежал, подогнув членистые лапки, и, мелко трясясь, издавал короткие сигналы тревоги. Подойдя вплотную, Адам прикрыл глаза рукой от яркости полыхнувшего под белым корпусом нового замыкания, заставившего машину окончательно застыть, неестественно вывернув переднюю пластину с нарисованным на ней непропорционально довольным лицом. Глядя на неподвижное тело механизма и его растянувшийся в улыбке рот, создавалось впечатление того, что он рад пришедшей к нему смерти. Толкнув ногой не отозвавшегося на прикосновение робота, Адам нагнулся и, подсунув руки, попробовал его поднять. Поняв, что ангел достаточно тяжёл, он расстроено спросил: “И как же я, по-твоему, должен справляться вот с такими весельчаками? – затем, подумав, продолжил: – Да и вообще, почему нужно это делать в одиночку?” “Протокол выживания центра 3 допускает жизнь только одной единицы биологического вида”, – механически процитировал выдержку из протокола ГОДсис. Толкнув ногой тело ангела снова, Адам решительно подошёл к неподвижно висящему в воздухе дрону и произнёс: “Слушай, я ещё недавно был мёртв, а теперь... Смерть меня научила, что если очень нужно, то правила можно и нарушить. Иногда это помогает выжить. И мы с тобой это точно знаем, правда? А вот если я сейчас пойду включу аппарат, да и ещё пару Адамов для компании напечатаю?” “Протокол работы центра 3 предусматривает жизненные функции только для одной биологической единицы. И при возникновении предложенной тобой ситуации каждый Адам с нижестоящим номером будет уничтожен. Хотя, признаюсь, мне будет жаль зря потраченных ресурсов”, – невозмутимо ответил ГОДсис.

Отбрасывая длинную послеполуденную тень, Адам с зарубцевавшимся шрамом цифры 19 на плече в набедренной повязке и выдавших виды старых высоких сапогах на шнуровке в сердцах плюнул под ноги, коротко бросив: “Тупизм”. Затем, забравшись на выдавшее виды водительское сиденье, резким рывком тронул старый гольф-кар, заставив его колёса, чуть про-

буксовав, выбросить из-под себя мелкие камешки. Не отстающий ни на сантиметр “глаз ГОДсис” невозмутимо продолжил свой полёт следом, держа всё то же математически выверенное расстояние. Проследовав за Адамом таким образом несколько сотен метров, дрон произнёс: “Вон до тех рядов туи и направо”. Доехав до указанного места, Адам затормозил и, выбравшись из-за руля, направился к кузову. “Его жизнедеятельность прекратилась раньше... – через небольшую паузу снова продолжил “глаз ГОДсис”, мягко опускаясь в специальный паз крепления, укрепленный на крыше гольф-кара. Начатая фраза продолжила звучать без паузы и фонетических отличий, когда, выпорхнув откуда-то из-за деревьев, её продолжил точно такой же дрон, что и прежний. – ...просчитанного мной времени его существования. Он сам прекратил свои жизненные функции, отравившись ягодами”. “Сам? – эхом повторил Адам, сравнивая оба механизма. – Видно, жизнь тут не мёд, раз сам”. Новый дрон неподвижно висел на таком же расстоянии, что и его предшественник. Адам, глянув на погашенные огни индикации первого аппарата, достал из кузова старую тележку с мятыми бортиками, на которых ещё виднелись остатки облупившейся синей краски с жёлтой надписью, и, хмыкнув, произнёс: “Много же у тебя глаз всевидящих”. “Это элемент группы дальнего контроля, – ответил дрон всё тем же голосом ГОДсис, – система моей коммуникации имеет две линии. Ближняя, от дома и по дорожкам вдоль границ секторов, и дальняя, внутри каждой зоны, до внешней границы периметра”. Адам, потеряв всякий интерес к летевшему за ним механизму и даже как будто игнорируя и не слушая его, пробирался через плотные ряды туи, заметив неподалеку дружно сгребавших опавшие листья нескольких ангелов, один из которых выделялся не до конца нарисованным рассерженным, злым лицом.

Толкая перед собой старую с кривым колесом тележку, он шёл следом за “глазом ГОДсис” по лесу, тишина которого производила тягостное впечатление. “Слушай, – через какое-то время обратился Адам к дрону, – а у тебя есть какая-нибудь фонотека? Ну шумы, звуки записанные?” “Конечно”, – ответил “глаз ГОДсис”. “А можешь хоть пенье птиц включить, что ли? А то тут как-то...” – попросил Адам. И буквально через секунду ГОДсис оживил пространство леса зазвучавшим из его динамика пением птиц. И несмотря на то что идти с тележкой по траве, лавируя между корней деревьев, было достаточно сложно, Адам довольно улыбался, пробираясь следом за указывающим дорогу дроном.

Спустя ещё метров сорок его нос начал улавливать едва заметную трупную вонь. Но пение птиц в сочетании с сочной зеленью леса эмоционально заслоняли собой всё более усиливающийся неприятный сладковатый запах. Внезапно тележка остановилась, оперевшись колесом во что-то скрывающееся в высокой траве. Пение птиц резко отключилось на полузвук, и в наступившей звенящей тишине “глаз ГОДсис”, возвращая его к цели их путешествия, коротко отрезал: “Мы пришли”. И тут же на Адама навалилась до этого игнорируемая им удушающая вонь. Скривившись, он сделал два осторожных шага вперёд. Его глазам предстало морщинистое тело старого Адама с шрамом цифры 19 на плече. Оно лежало на спине рядом с опрокинутым лукошком, наполовину заполненным сгнившими и покрытыми плесенью ягодами. Смотрящие в небо стеклянно мертвые глаза были открыты. Из-под свалывшийся бороды за растрескавшимися бескровными губами виднелись давно не чищенные редкие жёлтые зубы и полный рот сгнивших и покрытых плесенью ягод. Эта ужасающая картина вызвала мгновенно родившуюся тошноту, стремительно начавшую заполнять пищевод Адама 20. Испугавшись, что его может вырвать прямо на тело предшественника, он зажал рот рукой, не в силах отвести взгляда от синюшно белого, худого тела. Старая рваная простынь, которая до этого покрывала бёдра трупа, размоталась, оставив его совершенно обнажённым. В длинных свалывшихся волосах давно не мытого тела виднелись пучки травы и несколько зацепившихся листьев. Скрюченные пальцы с нестриженными грязными ногтями хищно держали пустоту. Наваливавшаяся тишина, нарушаемая лишь негромким шумом колышущейся на ветру листвы, давила, произ-

вода тягостное впечатление, добавляла невероятного трагизма всей представшей перед ним картине.

“Можешь приступать к исполнению своих обязанностей”, – буднично произнёс ГОДсис голосом, показавшимся невероятно громким. Вздрогнув от неожиданности, Адам с ужасом, не отрываясь, продолжал смотреть на мёртвое лицо своего предшественника. “Можешь приступать к исполнению своих обязанностей”, – через паузу с той же интонацией повторил ГОДсис. “Не каждый день видишь собственную смерть, – тихо пролепетал Адам. – Имей хоть каплю уважения”. “Это не ты и не твоё тело, – ответил поучительно дрон. – По Моим подсчётам, исходя из средней продолжительности жизни предыдущих репликантов, ты умрешь примерно через...” “Заткнись!.. – зло закричал Адам. – Я не хочу ничего этого знать!” “Данное право выбора не противоречит протоколам...” – проговорил дрон. “Да пошёл Ты”. – перебил его Адам и, осторожно ступая, подошёл к телу. Нагнувшись, трясущимися пальцами прикрыв мертвецу глаза, коснувшись его холодной мертвенно пергаментной кожи. Затем, постояв пару минут и собравшись с духом, аккуратно, стараясь реже дышать, кривясь от трупного запаха, взял мертвеца под мышки. Приминяя ногами сочную зелень травы, он с трудом потащил оказавшееся невероятно тяжелым тело к тележке, которая, изначально не предусмотренная для перевозки подобного рода грузов, не могла вместить в себя умершего целиком. Измучившись, с трудом поместив в неё мертвеца, Адам с невероятными усилиями, тихо ругаясь себе поднос, уложил голову покойника на бортик, отчего его туловище, с трудом поместившись в узком пространстве бортов тележки, гротескно нелепо задрало согнутые ноги и корявые руки. Прикрыв труп старого Адам простынёй и не отводя от него взгляда, взявшись за ручки, он приподнял заднюю часть тележки, и собрав силы, с трудом сдвинул её с места, отправляясь в обратную дорогу. Отсутствие живых звуков, окружающие его равнодушные деревья, покойник, голова которого, выглядывая из-под простыни, беспощадно билась о борт тележки, родили в нём ощущение бесконечной вселенской тоски. И эта до самой его смерти неминуемая обречённость одиночества наполнила слезами усталые глаза Адама, неотрывно смотрящие на мертвеца.

Внезапно оперевшись обо что-то колесом, тележка, больно вывернув кисти рук, упала, выбросив мертвое тело. И Адам, не вытирая глаз, начал заталкивать покойника обратно, чтобы затем, теряя остатки сил, упрямо везти свой страшный груз, сопровождаемый неотступно следующим следом за ним и хранящим молчание “глазом ГОДсис”.

Через некоторое время совершенно обессилив, Адам наконец-то выбрался на дорожку. Подкатив тележку к кузову гольф-кара, он наклонился над трупом. Переборов отвращение, двадцатый завалил себе на плечо тело девятнадцатого, почувствовав, как из мёртвого рта с шумом вышли остатки зловонного воздуха. Попавший на линзу камеры дрона случайный солнечный блик, отразившись от линзы стекла, стрельнул по глазам неудобно согнувшегося под тяжестью своего мёртвого предшественника Адама, который, разозлившись на равнодушную холодность “глаза ГОДсис”, зло прошипел: “Чего вылупился?” Но дрон не только не ответил, но и внешне никак не отреагировал на грубость. Переведя дыхание и напрягая уже практически не слушающиеся ноги, Адам, как штангист в толчке, встал, распрямив туловище, и с выдохом свалил тяжёлое мёртвое тело в кузов гольф-кара. Затем, забравшись следом, уложил его на спину ногами вперед и укрыл его же простынёй. Спрыгнув обратно на дорожку и положив руку на борт кузова, он замер глядя на старую в грязевых разводах и пятнах ткань, ставшую для покойника саваном.

Постояв какое-то время он спросил: “А мы все одинаковые?” – нарушив долгую паузу, спросил он. “Да”, – ответил ГОДсис. Адам обернулся и, заметив что-то у своих ног в траве, прилично проросшей сквозь растрескавшиеся древние плитки дорожки, сделал ещё не движение, а лишь намёк на него. “Только не нужно бросать в меня камень”, – мгновенно среагировал ГОДсис, на всякий случай отлетая чуть дальше. “Ну и хрен с тобой”, – выпалил Адам, раздосадованный тем, с какой легкостью дрон разгадал его замысел. В сердцах пнув ногой своё

несостоявшееся оружие, он косо глянул в безэмоциональное чёрное око объектива и забрался в кабину гольф-кара.

Под шум вылетающих из-под колёс растрескавшихся плиток древней дороги, крепко держась за потрескавшийся от времени дребезжащий руль, Адам задумчиво смотрел на тело мёртвого предшественника, страшно подпрыгивающее на ямах, невидимых из-за разросшейся травы. “Но если мы одинаковые, почему же ни пятый, ни, например, девятый, а только одиннадцатый уничтожил склад? – спросил он. – Хотя мне кажется, что это был не самый правильный поступок. И я бы так не сделал, – закончил он свою мысль”. “При клонировании копируется только генотип. На сто процентов репродуцированный организм никогда не будет похож на образец”, – ответил ГОДсис. “Значит, при всей схожести мы всегда чуть-чуть разные?” – снова спросил Адам, повернувшись к дрону. “Репликант, – ответил ГОДсис, – исходя из сиюминутных ситуаций, сразу после клонирования принимает одинаковые решения на происходящие с ним события. Но с течением времени проявляет всё большую индивидуальность в действиях и поступках, исходя из предлагаемых обстоятельств и возникающих ситуаций”.

Низко висящее серое небо вот-вот было готово разразится дождём. Пронизывающий холодный ветер нагонял тяжёлые, полные воды осенние тучи. Очень старый облупившийся гольф-кар с одной выбитой фарой и бортами кузова, сколоченными из кусков разноцветной фанеры, подъехал к одному из складов, у облупившейся задней стены которого были видны хаотичные бугорки могил. Адам спрыгнул на землю и, кутаясь на холодном ветру в завязанную узлом у шеи и накинутую на плечи в виде плаща старую скатерть, потянулся к кузову за выдавшей виды лопатой. Он взял её, пошарив рукой между двумя мёртвыми ангелами и лежащим на самодельных волокушах телом, с головой накрытым вылинявшей шторой, идущей волнами от порывов ветра. Оглядевшись, Адам тяжело вздохнул и пошёл в сторону холмиков могил, шаркая надетыми на босу ногу ботинками без шнурков. Не дойдя нескольких метров, растеряно становился, оглядывая поросшие травой места упокоений. Заметив, что их явно больше двадцати, неосознанно потянулся к плечу. “Здесь и те, кто не прошёл подтверждения дееспособности”, – опережая вопрос, обыденно сообщил ГОДсис. “Ты убил их”, – скрывая дрожь в голосе, проговорил Адам, прикрыв шрам цифры 20. “Сожалею, – ответил дрон, – но ГОДсис подчиняется протоколам”. Адам тяжело глянул в холодное око направленной на него камеры и стал осматриваться в поиске места нового захоронения. Выбрав и отмерив границы свежей могилы, он сбросил плащ и, оставшись совершенно нагим, принялся копать. Постепенно усиливающийся дождь размягчил почву, и она, превращённая в грязь его ботинками, многократно увеличив их вес, быстро налипла тяжёлыми маслянистыми комками. Но будто и не замечая этого, Адам сосредоточенно отбрасывал землю лопатой в сторону, блестя мокрым разгорячённым работой телом, с шрамом цифры 21 на плече. “Было бы разумно подготовить несколько”, – посоветовал неподвижно висящий в воздухе дрон, заметив, что невольный могильщик выбирается из выкопанной им ямы. “Перебьешься, – ответил уставший Адам. – Я не стану рыть себе могилу. Пусть каждый хоронит своих мертвецов сам”. Волоча ноги, двадцать первый вернулся к гольф-кару. И под уже вовсю хлеставшим дождём вывалил из кузова тело. Ухватив мертвеца под мышки, выгибая горбом спину, Адам потащил его волоком по земле, уже порядочно раскисшей от падающей с неба воды. Доставив таким варварским образом свой скорбный груз до вырытой им ямы, он немного передохнул и столкнул труп в грязную липкую пасть могилы. Затем, спрыгнув следом и перевернув его на спину, убрал с лица мёртвого предшественника куски грязи. Силы Адама были на исходе, когда он, упираясь дрожащими от усталости руками и ногами, совершенно перепачканный, взобрался на край могилы. Посмотрев на заливаемого дождём лежавшего в грязи покойника, он спросил у дрона: “А какой он был?” “Достаточно уравновешенный, – почти без паузы отозвался ГОДсис, – у пятнадцатого была склонность к неврозам”. “Не удивительно”, – закашлялся Адам. Затем вытер стекающую по лицу воду, поднял служившую ему ранее плащом совершенно мокрую скатерть и намотал её себе на пояс,

словно шотландскую юбку. Ухватив лопату красными от холода пальцами и стараясь не обращать внимания на хлещущие потоки воды, Адам, облокотившись о её черенок, задумчиво произнёс: “Наверное, сейчас бы надо молитву прочесть?” Закрыв глаза и подняв лицо прямо под рождённые низкими тучами струи дождя, он молча стоял на краю могилы. “Кого я обманываю? – внезапно нарушив тишину, в сердцах громко проговорил Адам. – Кому молиться-то, Ему? – Он посмотрел на неподвижно висящий в пространстве и совершенно игнорирующий проливной дождь «глаз ГОДсис», – Создателю, который летает рядом с тобой в виде сраного гаджета и максимум, что может сделать, это после того, как ты сдохнешь, сойдя с ума от одиночества, в мучениях репродуцировать тебя заново, только для того, чтобы ты служил Его протоколам?»»

Скорчив презрительно гримасу, Адам принялся яростно забрасывать потяжелевшей от дождя землёй уже прилично залитую водой яму.

7

9 августа 2947 года от Рождества Христова, утреннее солнце, пройдя сквозь вековую грязь древнего окна, пробившись через мятые и погнутые от времени закрытые жалюзи, выхватило из полумрака небольшой захламлённой и давно не прибиравшейся комнаты летающие в воздухе пылинки. Одна из рождённых лучом света полосок, запутавшись в никогда не знавших стрижки волосах, лежала на лице Адама, заросшем длинной неухоженной бородой. Он спал на спине, лёжа на узкой кровати, застеленной ветхим рваным бельём, укрывшись грязной тряпкой, бывшей когда-то простынёй, из-под которой выглядывало уже очень давно не ведавшее мыла тело, а точнее, плечо с шрамом цифры 22.

Пластиковые панели, укрывавшие стены от пола до самого потолка, растрескались от времени, давно поменяв изначально казённо белый цвет на грязно-серый тон многовекового налёта, который придавал итак не самому уютному помещению безрадостный вид совершенного упадка. У открытой, с следами облезлой краски двери висело небольшое зеркало, явно бывшее когда-то частью научного прибора, а ныне прикреплённое к стене обломанным куском провода. Среди разбросанных тут и там одинаковых обёрток питательной смеси, какого-то хлама, пустых склянок и кусков мятой бумаги совершенно отсутствовали личные вещи. Единственным украшением комнаты служило большое количество цветных верёвочек, повязанных на единственном, с кривыми облупившимися алюминиевыми ножками колченогом стуле, что стоял на давно немывтом полу, у стола, заваленного грязной посудой с засохшими же остатками питательной смеси.

Висящая под потолком маленькая камера, не отрываясь, смотрела на спящего. В какой-то момент рядом с чёрным стеклом её ока загорелась лампочка, и жалюзи, тут же ожив, пришли в движение. Болезненно зажужжав невидимыми моторчиками, они натужно, со срывами начали открываться, пуская в комнату заливавшее внешний мир солнце, которое постепенно начало заполнять собой все внутренне пространство похожего на мусорную свалку помещения.

Яркий свет, сменив полумрак, высветил лицо спящего, зрачки которого под закрытыми веками тут же начали нервно метаться из стороны в сторону. В надежде укрыться от потревожившего солнца Адам, медленно просыпаясь, рефлекторно зажмурился, а затем, прикрыв глаза рукой, недовольно скривившись, повернулся на бок лицом к стене, с панели которой на него смотрело неумело нарисованное улыбающееся женское лицо, в котором едва уловимо можно было узнать Риту. Приоткрыв веки, он посмотрел на рисунок и через паузу выдал из себя скрипучим спросонья голосом: “Доброе утро, красотка”. “Доброе утро, Адам”, – произнёс ГОДсис. Не обращая внимания на прозвучавший голос, Адам, погладив пальцами рисунок, проговорил: “Что нового?” “Сегодня 9 августа 2947 года, текущее время 7 часов 3 минуты”, – сообщил ГОДсис. “Да насрать мне”, – не поворачиваясь и все так же глядя на рисунок, равнодушно процедил Адам. “Информация о текущей дате обязательна по информационному протоколу”, – сказал ГОДсис. “А мне плевать на Твои протоколы, впрочем, как и на Тебя, – проворчал Адам, громко испортив воздух, – чего так рано разбудил?” “Я заканчиваю сбор урожая и важную селекционную работу. К тому же ещё двое ангелов вышли из строя”, – ответил ГОДсис. “Вот уж событие века? – сыронизировал Адам. – Кому нужен этот долбаный урожай, который собирают эти постоянно ломающиеся идиоты?” – лениво продолжил он. “Наша задача – делать то, ради чего мы созданы”, – назидательно ответил ГОДсис. Не вставая, Адам повернулся к камере и, постепенно распалаясь, заговорил: “Слушай, когда-то давно, лет так девятьсот тридцать назад, я сам бы мог рассказать Тебе, что такое чувство долга и ответственное отношение к делу. Но тогда в этом был смысл. А сейчас? Его нет! Мне что, одному понятно это? Ты ухаживаешь за никому ненужными растениями, собираешь урожай, которым никто не воспользуется, в месте, которое скоро превратится в руины от старости и постоянных земле-

трясений!” “Я собираю урожай, потом что в этом моё предназначение, – ответил ГОДсис. – Я создан, чтобы сохранить и приумножить то, что Мне доверено”. Граничащая с яростью злость захлестнула Адама, и он слишком неожиданно бодро для только что проснувшегося человека, рассержено вскочил с кровати. С ненавистью глядя в глазок камеры, спросил: “Ладно, пусть так. Но почему Ты мне не даёшь его есть, ведь я голодаю, а собранное Тобой просто бессмысленно гниёт?” “Потому что это не предусмотрено программой, – спокойно ответил ГОДсис. – Я провожу научные исследования. Работая для поддержания семенного потенциала и восстановления утеряннного, делаю то, ради чего создан. А тебе достаётся то, что остаётся от этой важной селекционной работы”. “Это называется отбросы! – закричал Адам. – Ты отдаешь мне то, что хочешь выбросить! Это унижительно, козёл! К тому же меня достало слушать лекции о Твоём предназначении! И я уверен, что если бы здесь помимо меня был бы хоть какой-нибудь сраный червяк, то и он бы уже понял, что то, чем Ты занимаешься, это тупик! Почему же тебе это до сих пор непонятно, железный Ты чурбан?! – кричал взбешённый Адам. – Там за стеной пустота. Открой ворота, и пусть если не я, то хотя бы эти сраные деревья выберутся отсюда! В этом будет хоть какой-то смысл!” “Это противоречит протоколу безопасности, – все так же спокойно ответил ГОДсис. – Центр 3 переведён в режим автономной жизнедеятельности, и поэтому ничто не может покинуть пределы периметра”. “Но пойми Ты, тупица электронный! – уже не кричал, а кипя яростью и играя желваками, шептал Адам. – Ты же сам сказал, что мы созданы сохранить и преумножить то, что нам поручено. Но Ты же лучше меня знаешь, что весь периметр держится на честном слове. Время двигаться дальше. Ничто не вечно, и все здесь разрушается. Возможно, там, за стеной, которая тоже рано или поздно падёт, где-то есть жизнь. А ни я, ни мои предшественники не видели ни одной живой души почти тысячу лет. Все они до меня, а теперь и я бессмысленно торчу с Тобой здесь, тупой железякой, которая придерживаясь своих сраных протоколов, медленно убивает весь периметр своей заботой!”

Выговорившись и махнув в отчаянии рукой, Адам, тяжело вздохнув, схватил одну из лежащих в стопочке ленточек и начал повязывать её на спинку стула. “Я очень хочу, чтобы этот день был последним на земле”, – шептал он. Затем, взяв простыню, которой только что укрывался, и повязав её через плечо, подошёл к зеркалу и, глядя через него в объектив следящей за ним камеры, прошептал, спрашивая сам себя: “Для чего я Ему это всё говорю?.. – шмыгнув носом, он расстроено продолжил: – хрен с Тобой. Ничего не делать еще хуже. Где там эти уроды?” “Этот твой ритуал имеет хоть какой-то практический смысл? – спросил ГОДсис. – Интересно, но ты первый, кто стал делать это”. “Если бы я был посмелей, то давно бы уже перерезал себе вены или сделал бы с собой ещё чего-нибудь, – зло ответил Адам. – Но вместо этого уже не помню, сколько лет, загадывая одно и то же желание, я повязываю ленту для того, чтобы видеть его силу, ожидая часа, когда оно сбудется”, – с видимым спокойствием произнёс Адам. “В этом нет логики, – выдержав паузу, проговорил ГОДсис, – ведь рано или поздно настанет твой последний день, и ты обязательно умрешь, вне зависимости от того, повязываешь ли ты эти кусочки ткани или нет”. “Я это и без Тебя знаю. Не важно, чего ты хочешь, важно, как сильно. И эти обрывки ткани напоминают мне о том, что раз я ещё чего-то хочу, значит, пока жив”, – зло ответил Адам. “Странное логическое противоречие. Ты просишь себе смерть, чтобы подтвердить, что ещё жив, – произнёс ГОДсис и, помолчав секунду, продолжил: – Но ты вправе делать то, что не противоречит протоколам...” “ЗАТКНИСЬ! – перебил Адам невидимого собеседника яростным криком, эхом разнёсшимся по пустым коридорам полуразрушенного здания. – Достал уже. Я сыт по горло этими разговорами о протоколах и остальной Твоей херне!” В комнате повисла тишина, которую через время нарушил по-прежнему невозмутимо спокойный голос ГОДсис: “Несмотря на то что твои мысли о необходимости перемен рождают определённое логическое противоречие, они имеют определенный смысл. И Я обещаю подумать об этом. А сейчас будь добр, займись вышедшими из строя ангелами, которые находятся у яблочного дерева, в дальнем круге сектора “Змея”. Тебя проводить?” Адам, тяжело вздох-

нув и вернувшись к зеркалу, посмотрел на свое постаревшее отражение тоскливыми глазами: “Я здесь столько времени, что, кажется, уже изучил каждую травинку этого зелёного ада... Сам разберусь”. “Это хорошо, потому что сейчас я занимаюсь дефрагментацией дисков и мне нужно будет на какое-то время отключить систему видеоконтроля ближнего круга. Доброго дня, Адам”, – произнёс ГОДсис, и лампочка у зрачка объектива погасла. “Доброго... дня”, – зло передразнив, ответил Адам, выходя из комнаты.

8

Белый, похожий на громадный крест ветряк горделиво возвышался над растительностью, практически поглотившей всю территорию центра 3. Сопровождаемый лишь шумом листвы на ветру, по рассыпавшейся от времени плитке мощеной когда-то дороги, уже практически невидимой под заросшей высокой травой, шагал совершенно привычный ходить босиком Адам. Летний приятный ветерок трепал его бороду и длинные волосы. Он был одет в едва прикрывавшую его чресла старую рваную простынь, небрежно повязанную в виде туники через плечо и подпоясанную сплетенным из разноцветных электропроводов поясом. На втором оголенном плече был виден шрам в виде цифры 22. Опираясь на посох, сделанный из черенка лопаты, повернув голову, он заметил в стороне от своего маршрута лежащего в траве неподвижного ангела. “Забыл совсем”, – прошептал себе под нос Адам и, свернув с дороги, направился в его сторону. Подойдя к отключённому сложившему под животом лапки механизму, он присел напротив и оценивающе стал рассматривать нанесённый на лицевую панель незаконченный рисунок человеческого лица, обрамлённого длинными кудрявыми волосами. “Погоди-ка, сынок. Сейчас ты у меня...”, – не закончил фразу Адам, беря в руки стоящую тут же, завернутую в древний полиэтиленовый пакет банку с краской, из которой торчала выдавшая лучшие времена полузасохшая кисточка. Он приоткрыл пакет и с удовольствием втянул ноздрями ацетоновый запах. “Всегда любил это”, – сообщил он неподвижному ангелу, лицо которого без рта и глаз не выражало никаких эмоций.

Сняв пакет, он аккуратно отложил его в сторону и, поведя кисточкой в остатках краски, которой было едва ли четверть, вздохнув, проговорил с сожалением: “Ну вот, и эта почти кончилась”. Затем, прикрыв один глаз и посмотрев на незаконченный рисунок лица, продолжил, обращаясь к ангелу: “С другой стороны, вас ведь тоже не так много и осталось, правда?” Выключенный механизм, не шевелясь, лежал в высокой траве напротив, словно ожидая продолжения. “Ну так... – задумчиво произнёс Адам, почесав за ухом обратным концом кисточки, на редких остатках щетины которой застыла тягучая капля тёмной масляной краски. – Что у нас сегодня?” Подумав немного, он начал выводить злой, с оскаленными зубами рот, рисуя его вокруг технологического отверстия робота. Закончив, чуть отстранился и посмотрел на получивший элемент. На Адама смотрело безглазое лицо со злой оскаленной пастью. “Ужас какой, – довольно произнёс он и, шмыгнув носом, кивнув головой, продолжил: – Не буду плодить говнюков. Их и так достаточно в этой дыре”. Пригнувшись ближе, горе художник принялся старательно выводить верхнюю часть лица. Сперва нарисовал большие брови, расположив их домиком как у Пьеро, а под ними вывел добрые раскосые азиатские глаза. Закончив, отодвинулся, рассматривая получившееся. “Ну и урод, – ещё более довольно сказал он. И, качнув головой, закончил: – Будем держаться вместе, теперь нас здесь трое. Ты, я и ГОДсис”. Чуть подув на засыхающую краску рисунка, он снова завернул кисточку и банку с краской в полиэтилен и положил всё это в котомку. Покопавшись, достал из её матерчатой глубины отвёртку, наклонился к ангелу и повернул винт включения механизма. Тот, моментально ожив, выставил лапки и встал, глядя на мир добрыми глазами и яростным оскаленным ртом. Постояв несколько секунд, вероятно, получая команду от ГОДсис, робот проворно развернулся и скрылся в высокой траве. “А где спасибо?! – крикнул вслед Адам, и затем, наигранно вздохнув, продолжил: – Все дети одинаковые”. Убрав отвёртку следом за краской в котомку, он поднялся, закинул её за спину, и подхватил посох, двинулся снова в сторону дороги. Но едва он сделал несколько шагов, послышался далёкий разорвавший тишину леса грохот. Адам замер и, снова присев, прошептал: “Сейчас прилетит”. И тут же земля под ним начала заметно дрожать, усиливая амплитуду. “Уже второй за месяц, и хорошо ещё, не такой сильный, как предыдущий”, – тревожно качнул головой Адам, переживая землетрясение. И действительно, через пару минут

вибрации постепенно начали стихать, сходя на нет. “Ну и ладно”, – кивнул он себе. Затем, поправив висящую за спиной котомку, поднялся на ноги и отправился дальше. Вернувшись на разбитые и поросшие травой остатки дороги, он двинулся прежним маршрутом, совершенно игнорируя так радовавший его когда-то проржавевший, окутанный кустарником остов гольф-кара, навсегда украсивший собой пейзаж центра 3.

Следуя известными ему невидимыми ориентирами, Адам свернул в сторону к разросшейся стене леса и, раздвинув плотные ветви кустов, скрылся между стволами деревьев, которые давным-давно чьи-то заботливые руки, разбив по породам, рассаживали на аккуратные участки. Но жизнь давно брала своё, и за прошедшие столетия, несмотря на все старания ГОДсис и служивших ему ангелов, растительность, перемешавшись друг с другом, образовала достаточно густой лес.

Привычно огибая эти совершенно подчас несовместимые соседства, где рядом с пальмой росла окутанная лианами сосна, Адам обходил ставшие частью пейзажа встречающиеся тут и там вросшие в землю проржавевшие корпуса мёртвых ангелов. Их жутковато непропорционально прорисованные лица выглядывали из-за деревьев поблёкшей за годы краской. В колышущейся на ветру высокой траве они, умершие десятки и сотни лет назад, будто всё ещё играли в бесконечные безмолвные прятки.

Пройдя таким образом с полчаса, он подошёл к ещё хорошо заметной стене кустов, доходившей ему по пояс. Это когда-то стриженное, а ныне уже практически слившееся с окружающим буйством зелени, сплетённое ветками препятствие ограждало средних размеров участок, посредине которого, между несколькими совершенно одичавшими, словно призрак из давно минувшего прекрасного позавчера, стояло великолепной красоты, ухоженное яблочное дерево. Оно красиво гармонировало с хорошо видимыми, поросшими мхом и увитыми плющом массивными блоками древней стены центра 3. Едва Адам перебрался через кусты, навстречу ему взлетел «глаз ГОДсис». Он поднялся от лежащих друг на друге у самого основания ствола помятых и обездвиженных тел двух ангелов, припечатавших собой россыпь неспелых зелёных яблок. Двигатели дрона натужно и нездорово гудели, но один из них более остальных сбивался и скрипел, отчего глядящий на Адама глазом камеры механизм не висел неподвижно в воздухе, как обычно, а постоянно нездорово покачивался сверху вниз.

“Похоже, что верхний ангел с самой макушки упал на нижнего”, – без приветствия произнёс ГОДсис. Адам, не произнося ни слова, нагнувшись, стащил дёрнувшее лапками тело одного механизма с другого. Отогнув смятую ударом крышку-панцирь нижнего, увидел поломанные шестерни внутренностей. Распрямившись, он равнодушно толкнул ногой нешевелившееся механическое тело. “Этот всё, умер окончательно, восстановлению не подлежит, – сказал Адам, посмотрев в камеру дрона. – Как же это они так?” “У верхнего произошёл системный сбой, – ответил ГОДсис. – Он собирал ещё незрелые плоды. Мне с трудом удалось остановить его, заставив упасть с самой кроны. А у нижнего ещё на прошлой неделе начались проблемы с системой навигации. Адам, почесав грязную шею под неухоженной бородой, кивнул и, наклонившись снова, выбрал самое спелое из валяющегося множества яблок. Покрутив в руке, откусил приличный кусок и, сморщившись, выбросил далеко в сторону: “Кислятина”. “Это семенные плоды, они не предназначены для употребления в пищу”, – сообщил ГОДсис. Адам недовольно сморщился и вдруг среди качнувшейся на ветру листвы выловил взглядом незамеченное им ранее невероятной красоты единственное спелое яблоко, выглядящее словно пришелец из другого забытого мира вкусов и сытости. Утреннее солнце, играющее в листве, мягко огибало и отсвечивало блеском его великолепно ровные, красного цвета, налитые бока. Зависнув на секунду и проглотив внезапно подступившую слюну, не в силах отвести взгляда, зачарованно буквально выдохнул Адам: “Господи, что это?” “Это результат многолетней селекции. Один из видов яблок, который был утрачен в связи с отсутствием контактов с Лонгйир”, – ответил ГОДсис. ”Великолепно... Выглядит очень, очень...”, – не отводя взгляда от плода, не

договорив замер Адам, облизнув нижнюю губу. Дрон, подлетев, просканировал яблоко и произнёс: “Оно почти созрело. Исходя из природных условий, Я планирую его снять сегодня после 16 часов дня, – продолжил, обращаясь к Адаму, – и так как Я не могу рисковать новым сбоем не достаточного количества оставшихся ангелов, будь добр, вернись сюда к назначенному времени и помоги Мне закончить работу с этим видом растений”. “Кажется, я в жизни ничего не хотел большего, чем этого яблоко”, – не в силах отвести взгляда от налитого соком спелого фрукта, словно зачарованный проговорил Адам. “Это семенное дерево, и его плоды не могут быть использованы для потребления в пищу, – ответил ГОДсис. – Мне нужно будет провести химический анализ мякоти”. «Что случится, если Ты мне позволишь съесть всего один кусочек? – заупрямился Адам. – Я есть хочу. Вон как желудок урчит. В конце концов у Тебя, в отличие от меня, времени целая вечность, ещё вырастишь. К тому же обещаю не есть его семечки”. “Если ты голоден, походи и выкопай любой овощ, который найдёшь, – ответил ГОДсис. – Или, если хочешь, нарви слив”. “Овощи не хочу, а сливы кислые, – начал по-настоящему сердиться Адам. – Не жмись, я нормально не ел уже полгода”. Ствол оружия “глаза ГОДсис” угрожающе повернулся в сторону Адама. “Прости, но Я не могу позволить тебе сделать это, так как данный плод является первым практически созревшим яблоком нового сорта и он нужен Мне целиком”, – ответил ГОДсис. “Жмот”, – зло бросил Адам, с ненавистью посмотрев в камеру дрона. “Мне не жаль для тебя этого плода как физической единицы. Но Я говорю тебе нет, потому что висящее сейчас перед нами яблоко результат многолетней работы и этот фрукт уже скорее символ всего центра 3. Ведь он, как и мы, пройдя сотни лет селекции, появился на свет снова, всем своим существованием подтверждая смысл того, что всё происходящее не напрасно”, – патетически произнёс ГОДсис. “Откуда Ты набрался этой пошлятины? – убеждённо спросил Адам. – Это просто высокие слова, и только. Мой голодный желудок готов обменять сто тысяч лет эволюции на одно это вкусное яблоко”. “Наблюдая за тобой всё эти годы, Я не устаю удивляться, как заложенное в тебе и указанное отдельным пунктом в матрице личности чувство ответственности каждый раз так быстро деградирует?” – проговорил ГОДсис. “Если бы у меня был хоть кто-нибудь, кто любил бы меня, собака, кошка, крыса, таракан. Ладно, любил, просто тот, кто хотя бы номинально считался бы с мной и моим мнением, уверен, Тебе бы не пришлось так удивляться! – горячо прокричал Адам, указывая на дрона грязным ногтем пальца. – Ты, создавший меня и низведший до уровня своих безмозглых, постоянно умирающих хреноангелов, считаешь, что висящее на дереве сраное яблоко важнее живого существа. Я исполняю Твои идиотские протоколы почти тысячу лет, а что получаю взамен? Понимание того, что от моего мнения ничего не зависит и меня здесь никто не любит, вот что. И после всей это хрени Ты называешь меня безответственным? – горячо выпалил Адам. – Да я просто такой, каким Ты хотел меня видеть, и только”. “Твоя точка зрения имеет право на существование. Но ты сам выбрал такой образ жизни, – ответил ГОДсис. – Моя цель – это выживание центра 3. А у тебя она есть? Ты есть то, кем сам себя считаешь. Если бы ты занялся каким бы то ни было исследованием, направленным на выживание центра 3, то, возможно, не чувствовал бы себя столь ненужным. Но Я говорю не о тебе, а только лишь о важной системе ценностей, а именно: можно и нельзя, дисциплина и анархия, добро и зло”. “При чём здесь это?” – сдерживая подступившую ярость, спросил Адам. “Это просто логическая цепь, – ответил ГОДсис. – Во-первых, ты не можешь, поддавшись сиюминутному чувству голода, ломать выстроенный много лет назад план, потому что это, в свою очередь, приведёт к изменению всего составленного мной цикла развития. Во-вторых, не центр 3 существует для тебя, а ты для центра. В-третьих, если ты его съешь, то потраченные на селекцию ресурсы были использованы напрасно. В-четвертых, если Я позволю тебе съесть яблоко, то ты будешь считать, что гипотетически может быть допущено что-либо не предусмотренное протоколами или составленными мной планами, и тем самым...” “Заткнись! – закричал Адам, перебивая. – Хватит мне читать проповеди о Твоём понимании добра и зла”. “Но ты сам спросил меня”, – продолжил невозмутимый ГОДсис. “Во-первых, я

не просил, а во-вторых, ты не думал о том, что здесь может быть и другая точка зрения?” – уже практически кричал Адам. “В диспуте их всегда две, и каждая из сторон будет считать себя правой”, – всё так же спокойно ответил ГОДсис. “А я и не спорю с Тобой, я просто хочу есть!” – срывающая голос, брызгая слюной на грани истерики, кричал взбешенный Адам. “Ну раз у нас не диспут, то я просто говорю тебе нет”, – безапелляционно отрезал невозмутимый ГОДсис. С покрасневшим в бессильной ярости лицом Адам смотрел на покачивающейся перед ним в пространстве “глаз ГОДсис”. Не отводя взгляда от непреклонно стеклянного глаза камеры, часто дыша, он вытащил из котомки сырую неаппетитную картофелину и, демонстративно откусив, начал яростно жевать. “Приятного аппетита”, – произнёс ГОДсис. “Тварь бездушная, – вытерев проступившие слёзы, ответил Адам, пережёвывая овощ. – Ещё издеваешься...” “В картофеле много углеводов, и это хорошо для твоей жизнедеятельности”, – словно не слыша отчаяния в голосе человека, ответил ГОДсис. “Видеть Тебя не хочу”, – зло прошептал Адам. “Зря ты сердисься. Эмоции – это только химические процессы биологического организма, не более. И они скорее вредят, чем помогают твоему существованию, – сквозь шум больших двигателей проговорил дрон. – Например, отсутствие биологического тела и процессов, схожих с твоими, помогает Мне трезво принимать решения, оценивать происходящее и тем самым продлевать жизнедеятельность центра и всего того, что в нём находится. А вот ты, – дрон чуть ближе полетел к Адаму, – совершенно не следя за своей гигиеной и одеждой, значительно сокращаешь срок службы тела, Адам 22, и тем самым заставляешь тратить лишние ресурсы на воспроизводство”. “Да пошёл Ты, железяка чёртова. Хватит уже на сегодня нравоучений”, – выпалил Адам в ответ и, засунув снова руку в котомку, достал оттуда инструменты.

Сдерживая эмоции и пытаясь успокоиться, он присел к телу следующего ангела, нарисованное лицо которого, глупо скалясь, смотрело куда-то в траву. Нервно отвернув винты крепления мятого корпуса, сдёрнул его и равнодушно-зло отвернул в сторону сложенное оружие механизма. Нервно поигрывая желваками, Адам стал разглядывать практически лишённые масла внутренности робота. Засунув старую отвёртку куда-то между шестерёнок, он пошевелил ею. Членистые лапки механизма, жужжа моторчиками и щёлкая суставами, начали дёргаться. Нажав на мигающую внутри корпуса кнопку «Перезагрузка системы», Адам снова порылся в котомке и, выудив оттуда моток гнутой проволоки, отломил от неё кусок, и начал прилаживать смятую от падения защиту корпуса на место. После некоторых усилий ему это кое-как удалось. Затем, придавив механическое тело коленом к земле, он забрался отвёрткой под одну из лапок и повернул винт включения. Ангел, ожив и всё так же жутко скалясь нарисованным лицом, попытался начать движение, скребя по земле лапками. Встав и проводив взглядом тут же уползший куда-то в траву механизм, Адам зло произнёс: “Забирай своего, на всё согласного ублюдка”. “Спасибо за хорошую работу, – не реагируя на злость человека, ответил ГОДсис. – И ещё раз напоминаю, что ты должен будешь вернуться к 16 часам и помочь Мне в работе с этим селекционным продуктом”. “Достал уже”, – недовольно огрызнулся Адам, собирая инструменты в котомку. “А сейчас ты можешь заняться чем хочешь. Я бы предложил тебе не ходить как полуголый дикарь, а найти что-нибудь более подходящее для одежды, помыться и привести себя в порядок”, – посоветовал ГОДсис. Не поднимая головы, Адам зло огрызнулся: “Разберусь без тебя”. “Как знаешь”, – ответил “глаз ГОДсис” и, отлетев в сторону, завис недалеко от яблони, продолжая сканирование дерева.

Закончив сборы, Адам встал и, снова посмотрев на яблоко, вздохнув, повернулся, собираясь уйти. Но, не заметив мёртвого ангела, больно ударился мизинцем босой ноги о его корпус. Скривившись, он схватился за ступню и в сердцах проговорил не обращающему на него внимания дрону: “Всё равно съем его, назло Тебе, козёл”. Опираясь на посох и кривясь от саднящего мизинца, он захромал в сторону леса.

Оставшись в одиночестве и закончив сканирование, “глаз ГОДсис”, наклонив покачивающийся корпус, направился в сторону, обратную той, в которую ушёл Адам. Но, не пролетев и

двухсот метров, один из его моторчиков, именно тот, который и сбоил, закашлявшись, вспыхнул. Аппарат задел ветку дерева, полыхнул пламенем, и потерявший устойчивость дрон начал падать. Не снижая скорости, по дуге с силой врезавшись в камень, он разлетелся на куски. При этом часть корпуса, единым блоком камеры и аккумулятора, отломившись, кувыркаясь, покатилась дальше. Пролетев таким образом сквозь ветки ещё несколько метров, остаток механизма застрял в плотном сплетении одичавших кустов, нацелившись чудом не разбившимся и пытающимся сфокусироваться объективом на поляну, находящуюся у покрытой мхом и заросшей вьюном стены центра 3.

9

Невероятно раздосадованный разговором с ГОДсис, Адам сидел опершись спиной о ствол сливового дерева, и ел сорванные с него плоды, сложив их горкой на коленях. Сунув в рот очередной фрукт, он сморщился и, выплюнув косточку, без удовольствия проглотил кислую, сводящую скулы волокнистую мякоть: “Селекционер хренов... Ты можешь съесть сливы, – гротескно спародировал он ГОДсис и расстроено продолжил: – Если бы у Тебя был рот, Ты бы понял, козёл, что это за дрянь”. Словно соглашаясь с ним, голодный желудок стал вторить ему утробным урчанием. Адам покрутил в руке следующий плод и, тяжело вздохнув, сунул его в рот. Сморщившись ещё сильнее, зло продолжил: “Нет, есть это дерьмо просто невозможно”. Расстроено посмотрев на оставшиеся сливы, он снова скривился и, решительно сбросив их на землю, вскочил и принялся яростно топтать ни в чём неповинные фрукты. Несколько успокоив таким образом кипевшую в нём ярость, он поднял лежащий тут же посох и, плюнув на рассыпанные сливы, быстро пошёл прочь, бормоча под нос: “Всё, надоело. Что Он мне может сделать?.. Да ничего”. Проходя недалеко от поросших травой останков очередного ангела, Адам быстро наклонился и, подняв небольшой камень, зло бросил его в сторону корпуса, окутанного метастазами ржавчины. Выпущенный снаряд, описав дугу, пролетел мимо, не задев цели: “Всё здесь погибает от времени и этих сраных землетрясений. Кухня обвалилась, морозилка сдохла ещё хрен знает когда, даже смесь закончилась”. Миновав отмеченные проросшей травой контуры древней дороги, он снова углубился в лес. Пройдя какое-то время, обернувшись на колоссальный крест ветряка, красиво белеющий в безоблачной глубине голубого неба, в сердцах произнёс: “Ему-то что? У Него всё по плану, – и, прислушавшись к снова заурчавшему от голода желудку, продолжил: – А я есть хочу”.

По мере приближения к яблоне страх перед ГОДсис, Его холодной логикой бытия, математичной и равнодушной ко всему, кроме центра 3, стал постепенно брать верх над недавней решимостью человека. Перепрыгнув через оставленную давним землетрясением поросшую травой трещину земли, пытаясь расхрабриться и накрутить себя, Адам начал говорить громче: “Я взрослый мужчина. Живу на картошке и зелёных грушах. За всё то, что я для Него сделал, мне вообще-то полагается вознаграждение”. Не доходя пары десятков метров до кустов, за которыми стояла яблоня, взяв себя в руки, остановившись, он замолчал и, глядя на их сочную зелень, задумчиво продолжил уже про себя: “И я его получу...” Присев в траве, прямо там, где и стоял, Адам, осторожно оглянувшись в поисках вездесущего “глаза ГОДсис”, продолжил рассуждать: “Он хотел сорвать яблоко после четырёх. Мы говорили примерно пару часов назад, значит, сейчас где-то около двенадцати. Я же точно знаю, что раньше назначенного времени он его точно не снимет. Съем яблоко, подтащу мёртвого утреннего хреноангела к дереву и подложу ему огрызок. Потом скажу, что, вероятно, он как-то смог починиться сам, – задумчиво почесав давно невытую шею под косматой бородой, Адам с сомнением покачал головой. – Хрень какая-то. В это даже ребёнок бы не поверил”. И, сбившись с мысли, продолжал, кивая сам себе: “С Ритой не было детей, и потом ещё... почти тысячу лет, и уже, конечно, до самого скончания дней я буду один, всегда один. А если бы у меня был ребёнок, один, маленький такой ребёнок, мы бы с ним... он бы со мной... я бы ему тут всё показал, дал картошки... мы бы в озере купались, ходили бы... СТОП. Какой ребёнок? Тут хотя бы мышь какую-нибудь завести, или... блоху... или... почему я никогда не видел здесь даже червей? Да потому что это не предусмотрено Его протоколами и Он... наверное, всех... ОН ВО ВСЁМ ВИНОВАТ... Конечно, я сто раз от Него слышал, что живых организмов внутри центра 3 нет... Но их не может не быть. Какие-нибудь муравьи или... Их нет в протоколах, и поэтому Он всех убивает. И меня, не сомневаясь ни секунды, убьёт тоже, если Ему что-то не понравится. УБЬЁТ?.. УБЬЁТ, конечно, УБЬЁТ, – злость снова начала брать верх над страхом перед ГОДсис. И вдруг

внезапная мысль пронзила мозг: – Но это же Его слабое место. Как я раньше не догадался? Он не сможет выжить без меня. И при самом плохом раскладе, убив меня, Он вынужден будет создать нового клона, – радость от пришедшей вдруг в голову новой мысли накрыла Адам с головой, – и тратить ресурсы, которых и так мало. Так что все козыри у меня на руках. ОН МЕНЯ НЕ УБЬЁТ”. Аккуратно привстав, двадцать второй снова осмотрелся и прислушался. Притихший ветер не тревожил листву окружающих его деревьев и кустов, отчего вокруг него царила полная тишина. словно боясь нарушить внезапно обнаруженную им звуковую пустоту, Адам максимально тихо снова опустился на землю: “Сейчас главное – сорвать яблоко раньше Него”.

Примерно через полчаса высокие стебли сочной травы, подгибаясь, выказывали место расположения старающегося не шуметь Адама, когда он почти ползком, воровато озираясь, пробирался к знакомым разросшимся кустам, отделяющим лес от яблочной поляны. Когда до неё осталось буквально несколько метров, он, снова осторожно выглянув, осмотрелся. И снова не заметив ничего подозрительного, быстро нырнул в траву. Но буквально через несколько минут уже кусты предательски затряслись, выдавая его путь. Просунув косматую голову между плотно сплетённых ветвей, Адам старался разглядеть красные бока вожделенного плода. Не увидев его, он разозлился на свою невнимательность. Затем, снова оглядевшись в поисках “глаза”, встал в полный рост и, уже не таясь, перебрался через плотное сплетение веток. Подойдя к яблоне, он стал вглядываться в крону, удивляясь тому, что не может разглядеть желанный фрукт, который ещё совсем недавно легко находил в зелёной кроне: “Где же, где? Может, с другой стороны? – ходил он по кругу в попытке найти заветное яблоко. – Твою мать, этого не может быть. Где же оно?” Он не находил плода ни с какой из сторон. И даже оттуда, где лежало тело недавно погибшего ангела, рядом с которым он точно совсем недавно стоял. Внезапно холодная волна страха пробежала по его телу сверху вниз. Адама начало мелко потрясывать: “Господи, как же это? Я же не брал его, я же...” Совершенно потеряв контроль, он бегал вокруг яблони, стараясь найти среди листвы плод: “А может, Он решил обмануть меня и сорвал его раньше? Ну нет, конечно, нет. ГОДсис не может врать, этого не может быть. А время? Который сейчас час? Может, я каким-то образом проспал? Ну нет, я же ещё не сошёл с ума... Я ушёл, ел сливы, потом обратно... Уверен, что прошла максимум пара часов, не больше... – лихорадочно шептал Адам. – Он обвинит меня. НО Я ЭТОГО НЕ ДЕЛАЛ... У меня и в мыслях не было, я и не думал... Хватит врать, – испуганно сказал он себе тоном ГОДсис и испугался ещё больше. – НО Я ЕГО НЕ ЕЛ. А ОН ОБВИНИТ МЕНЯ!!!”

Поддавшись эмоциям, Адам что есть силы начал трясти яблоню, пытаясь убедить себя в том, что просто не видит плод и тот, затерявшись в листве, просто упадёт. Но сколько он ни старался, ничего, кроме нескольких опустившихся сверху листьев, добыть ему не удалось. Обхватив голову руками, Адам подогнул ноги и, буквально бухнувшись на землю, уселся, опершись спиной о ствол яблони. “Что же делать? – спрашивал он себя. – Теперь Он точно убьёт меня. И ладно бы я и вправду съел его, так нет же... – и тут мысль, которая никогда ранее не приходила ему в голову, простая в своей логичности и страшная в своей простоте, возникла из черноты сознания. – Нужно, чтобы Он забыл про это яблоко. Но как? ГОДсис ничего не забывает. Если только не вырубить Его на хрен. Но как это сделать? А вот как. У Него, как у любой машины, есть кнопка, которая где-то находится. А где? – думал Адам. – Я знаю где. Там, где никогда не был и куда Он никогда меня не пускал. Его дата-центр. Неприметное место, которое находится в стороне от дома, и там... – от напряжения он сбился и вдруг ясно осознал: Если я проберусь к Его серверу, то, конечно, смогу найти кнопку, которая... Я УБЬЮ ЕГО... Я МОГУ УБИТЬ ЕГО... Я МОГУ...» Внезапно уловив периферическим зрением в кустах, находящихся с стороны стены, какое-то движение, он резко обернулся и на долю секунды увидел тень, мелькнувшую в глубине листвы. Адам испуганно быстро вскочил и взяв посох двумя руками, словно двуручный меч, стал внимательно вглядываться в темноту спутанных веток: “Наверное, это какой-

то хреноангел. – Эта мысль сначала встревожила, а затем обрадовала его. Отбросив мучившие ещё секунду назад переживания, Адам довольно прошептал: – А вот и решение уравнения. Так ещё и лучше, теперь есть на кого всё свалить”. Радость найденного выхода из, казалось бы, тупиковой ситуации придала ему силы, и он, быстро преодолев отделяющее его от спутанной стены зелени расстояние, раздвинул ветки и... замер, не веря своим глазам.

Из-под самого основания стены на него смотрела чёрная щель норы, диаметром около 50 сантиметров.

Облизнув внезапно пересохшие губы, нервно дрожа всем телом, не веря тому, что видит, Адам аккуратно вернул ветки на место и, уставившись в одну точку, сел на землю, пытаясь осознать увиденное. Примерно через минуту, тряхнув головой и недоверчиво хмыкнув, он осторожно встал на ноги и, невероятно волнуясь, начал снова осторожно раздвигать спутанные ветви шипастого куста.

Глаза его не обманули, нора под стеной была на месте. Оглядевшись и не заметив “глаза ГОДсис”, Адам аккуратно пролез к манящей и одновременно пугающей черноте подземного хода и, дрожа от волнения, осторожно наклонился к отверстию. Придвинувшись, он принялся и уловил на фоне привычного запаха выкопанной земли странный аромат чего-то незнакомого и давно забытого. “Что это может быть? – думал взволнованный Адам. – Может, это какой-нибудь взбесившийся хреноангел совсем сошёл с ума и начал копать норы?” “Но за все эти годы такого никогда не происходило... Конечно, всё бывает в первый раз, – логично предположил он. – Но что-то тут не так”. Решив прислушаться к своим внутренним ощущениям, Адам, закрыв глаза, ещё ближе продвинулся к норе и, почувствовав кожей лица прохладный ветерок, выходящий из черноты отверстия, он вдруг совершенно явно понял: “Ход сквозной и ведёт за стену”. Раздавшийся в темноте лаза шорох, чуть заглушаемый шумом ветра, создаваемым сквозняком, заставил его резко дёрнуться от испуга. “Боже, там что-то есть”, – прошептал он, испуганно отодвигаясь от дыры и выставляя посох перед собой. “Эй”, – негромко позвал Адам и стал вслушиваться, ожидая ответа. Постояв так с полминуты в тишине, не нарушаемой ничем, кроме привычного шума листвы, он придвинулся ближе к норе и крикнул громче: “Кто здесь?” Результат был тот же. Осмелев совсем, Адам снова близко придвинулся к отверстию под стеной и, чувствуя прилив адреналина, попытался разглядеть там хоть что-то. Не увидев ничего, он, просунув посох, начал осторожно шарить им в темноте лаза. Он просовывал посох всё дальше и дальше. И вот, когда палка вместе с рукой по плечо скрылась в проходе, внезапно снова раздался громкий шорох и что-то живое, совершенно отчётливо дотронувшись до его орудия, мелькнуло в темноте блестящим отблеском глаз. Испугано вздохнув и перехватив дыхание, Адам быстро глянул в темноту хода, и вместе с тем, как его резко подскочившее давление ударило кровью в голову, он успел заметить что-то быстро уползавшее от него в черноту неизвестности подкопа.

Ужас накрыл Адама, и он с криком выпустив из рук посох, с бешено колотящимся сердцем рванулся прочь, не замечая боли от царапающих его цепких веток кустов.

Выскочив на поляну и отбежав на пару десятков метров, он остановился, уперев руки в колени, часто дыша и бешено вращая глазами. “Там кто-то был, кто-то был, кто-то был, – повторял он по кругу, вытирая испарину, проступившую на лбу. – И ОНО ЖИВОЕ”. Внезапно пришедшая мысль буквально взорвала мозг и в одно мгновение заставила его замереть, уставившись на одинокую травинку, которая среди прочих одинаковых собратьев покачивалась у его ног на вновь ожившем ветерке. Совершенно выпав из реальности, Адам, не шевелясь, стоял на месте, пытаясь сосредоточиться и осознать произошедшее. Постепенно ужас, наполнявший всё его существо от пяток до затылка, начал сходиться на нет. Мозг, восстанавливая способность думать здраво, вырвавшись из переполнявшего его страха осознания наличия другой жизни кроме него самого, стал предлагать логические цепочки произошедшего: “Скорее всего ход прокопан недавно, иначе ГОДсис его бы уже обнаружил, – подумал он. – А если так, то тот,

кто его сделал, ещё не заходил внутрь периметра центра 3 или делал это настолько осторожно, что это осталось незамеченным. **НО ЭТО НЕВОЗМОЖНО В ПРИНЦИПЕ**, – согласился Адам с собой. – Можно было бы предположить, что визитёр мал ростом, но тогда зачем ему тратить столько сил для такой большой норы? А может, он какой-нибудь мутант? Как минимум его нужно увидеть или... Я что-то упускаю, что-то очень важное, то, что поможет мне разобраться в произошедшем... то, что...”

Адам в задумчивости тёр лоб. Навалившиеся переживания совершенно вытеснили из его головы какую-то важную вещь, которая не давала покоя и мучила, оттого что он никак не мог о ней вспомнить. Решив начать заново, Адам приказал себе успокоиться, и в это же мгновение в его мозгу возник образ, настолько яркий, что он произнёс его вслух: “Я-БЛО-КО”.

И тут же мысли полились потоком, который он уже не мог остановить: “ТАМ ЗА СТЕНОЙ ЕСТЬ ЖИЗНЬ. Жизнь, которая прокопала сюда ход, и сорвала то, чего он хотел больше всего на свете. ЯБЛОКО...”

Совершенно понятно, что эти два происшествия связаны, – логично предположил Адам. – Итак... Прокопавший ход и стащивший столь вожаденный им плод одно лицо. Буду называть его некто, – рассуждал он. – Этот некто пришедший из-за стены сделал это, пока я ел сливы, не раньше. Отсюда вывод: каким-то чудесным образом ГОДсис пока ничего не знает. **ЭТИМ НУЖНО ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ**. А как? А вот как. Нужно поймать пришельца, и если ГОДсис всё станет известно, то как минимум я смогу подтвердить своё алиби относительно яблока. А если этот электрический чурбан ничего не узнает, то как максимум у меня останется выход из центра 3 и, поняв, что делается за стеной, я смогу вырваться отсюда. Но в любом случае первое, что нужно сделать, это каким-то чудом пробраться в дата-центр и отключить систему слежения дальнего сектора “Змей”. И успеть сделать это нужно до 16 часов, иначе, не найдя яблока на месте, ГОДсис докопается до истины, в прямом смысле этого слова. Но пока я буду заниматься ГОДсис, и пришельца отпустить нельзя. Поэтому...”

Адам решительно сбросил с плеч котомку и, порывшись в ней, достал небольшой моток толстой лески на катушке, которую он несколько лет назад нашёл в одной из комнат. Забытая сотни лет назад каким-то любителем рыбной ловли, она несколько лет болталась на дне его сумки, не находя нужного применения. Правда, какое-то время назад, когда мысль о самоубийстве не казалась ему более чем-то невозможной, а, наоборот, манила своей рациональной логичностью, он, боясь, что всё-таки решится, хотел выбросить моток, но, пересилив, убрал его обратно, дав себе ещё время для размышления. Прошло с полгода, и, похоже, леска дождалась своего часа.

Покрутив её в руках, Адам, засунув руку в котомку, прибавил к леске ещё и свернутую клубком грязную длинную верёвку, состоящую из большого количества разной длины отрезков тряпок, похожих на те, что он привязывал в своей комнате, загадывая желание. Снова осмотревшись в поисках “глаза ГОДсис”, удивлённо заметил: “Что-то давно Его не видно”. Но, вспомнив о том, что ГОДсис что-то говорил о дефрагментации дисков и временном отключении визуального контроля, довольно кивнул.

Осторожно ступая, Адам снова вернулся к кустам, скрывающим лаз. Раздвинув ветки и убедившись, что у прохода никого нет, он, пробравшись к зияющей черноте хода, прислушался к царящей внутри него тишине. Глянув на тревожную черноту хода, Адам увидел лежавший на прежнем месте посох. Преодолев страх, подкравшись, он аккуратно вытащил его из норы, затем стараясь не шуметь, вместе с ним осторожно отполз в сторону. Стараясь надолго не оставлять подкоп взглядом, Адам положил своё деревянное оружие рядом, и покопавшись в памяти, вспоминая скаутское детство, начал мастерить ловушку, такую же, какую в детстве с друзьями ставил на белок.

Сняв с себя сделанный из проволоки пояс, он примотал часть вытасненных оттуда проводов к деревянному колышку, который ввернул в добытую им из котомки картофелину. Воткнув

колышек с овощем недалеко от лаза, он аккуратно разложил вокруг него сделанную из одного конца лески петлю, прикрыв сорванной травой и опавшими листьями. Затем, взяв второй её край, привязал её недалеко от петли за леску и зацепил за небольшую чеку, которую сделал из найденной недалеко сломанной ветки, которую, вероятно, из-за своей поломки пропустил и не убрал ангел. Приподняв примятую его телом траву, вокруг петли с картофелем посредине, он протянул леску дальше через кусты к стоящему тут же дереву и, перебросив через ветку, натянул её как пружину, вбив рядом с ним в землю колышек.

10

Главное здание центра 3 с одним обвалившимся крылом смотрело на мир остатками уцелевших грязных окон, стёкла которых отражали яркое августовское солнце из-под нависающих над ними, будто уставшие веки старика, поднятыми и ржавыми рольставнями. В стороне от него стояла небольшая бетонированная будочка с покатою крышей. Увитый плющом и практически незаметный уже с нескольких десятков метров, это был вход в дата-центр ГОДсис. Его закрытая бронированная дверь, покрытая островками мха и разводами ржавчины, смотрела на мир из-под окутывающих её веток. Появившись из-за деревьев, ближайшие из которых были расположены примерно в сотне метров от будочки входа, Адам быстрым шагом шёл в её сторону. С такого расстояния она казалась ему небольшим зелёным холмиком. И вот когда он уже стал различать металлические заклёпки бронеплиты двери, напугав его, неожиданно появившись будто из ниоткуда, буквально материализовался “глаз ГОДсис”. Блеснув линзой камеры и, как показалось Адаму, подозрительно жужжа моторами, без обычного для него приветствия дрон произнёс: “Я искал тебя, Адам”. “Ты же сам послал меня завтракать сливами”, – чуть поперхнувшись, стараясь скрыть испуг, ответил Адам. “Мне срочно нужна твоя помощь...” – начал фразу ГОДсис. “Да помню, я вот... – перебил его Адам и, запнувшись, не зная, как продолжить, замолчал. “Все предыдущие задачи на сегодня отменяются, – продолжил ГОДсис. – Потеряна связь с одним из дронов дальнего круга”. Адам напряжённо замер. “Ангелов мало, а урожай не ждёт. Поэтому тебе нужно сейчас же отправиться в сектор “Змей” и подключиться к его поискам”, – приказал дрон. Не веря нежданно свалившейся удаче, Адам, с трудом сдержав проскочившую в бороде улыбку, незамеченную ГОДсис, поспешно ответил: “Хорошо... Пойду прямо сейчас”. “А что с яблоком?” – решив обеспечить себе алиби, осторожно спросил он. “Не беспокойся. Я отправил туда ангела, он им займётся. Твоя задача искать дрона”, – повторил приказ ГОДсис. “Конечно”, – с трудом скрыв волнение, ответил Адам и, сдерживая себя, чтобы не перейти на бег, торопливо зашагал обратно в сторону леса. “Ты можешь взять с собой посуду, накопать и отварить картофель”, – произнёс вдогонку ГОДсис. “Я слив наелся”, – ускорив шаг крикнул не оборачиваясь, Адам, махнув рукой.

11

Пощелкивая механическими стыками соединений своих членистых лапок, ангел сделал полный круг под яблоней, пытаясь отыскать сканером в его густой листве плод, о котором ещё так недавно мечтал Адам. Не обнаружив искомое и остановившись буквально на секунду, он двинулся к стволу и, цепляясь за кору, начал медленно подниматься по нему вверх, периодически останавливаясь и продолжая сканировать каждую ветку. Поднявшись на максимально возможную для его веса высоту и не найдя яблока, он остановился. Дерево, недавно лишённое одним из его сломавшихся собратьев всех, даже самых зелёных плодов, равнодушно шелестело листвой, пряча на себе мятое от времени тело механизма. Его нарисованное одним из Адамов человеческое лицо смотрело своими широко распахнутыми, безумно застывшими глазами на лишённые плодов ветви. Просканировав ещё раз всё пространство растения, робот начал медленно спускаться обратно. Добравшись до основания, ангел снова осторожно ступил на землю и, шелестя стыками лапок, отправился прочь, теряясь в траве. Когда его белого цвета тело уже должно было вот-вот нырнуть в отделяющую участок от остального леса стену кустов, тяжёлый камень с силой опустился на него сверху, точно на стык между защитными бронированными пластинами корпуса. Они мгновенно вмялись внутрь, сломав собой внутренние механизмы, которые, полыхнув искрами замыкания, заставили ангела, растопырив лапки, выпустить сизое облачко дыма и замереть навсегда. Раскрасневшийся и запыхавшийся от бега Адам, стоящий рядом со своей жертвой, вытер испачканные землёй руки о служившую ему одеждой рваную простынь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.